

А. Васильев

КРЕСТЬЯНСКІЕ СОЮЗЫ

ВЪ

СИЦИЛИИ.

ИЗДАНИЕ

Аграрно - Соціалистической Лиги.

1900

Printed by the "RUSSIAN FREE PRESS FUND"

15, Augustus Rd, Hammersmith, London, W.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Далеко-далеко отъ Россіи, за турецкой и нѣмецкой землей, въ теплыхъ, благодатныхъ краяхъ лежитъ Итальянское королевство. Часть этого королевства составляетъ островъ Сицилія; онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ Средиземнымъ моремъ. Этотъ островъ не особенно великъ, поменьше многихъ изъ нашихъ губерній. Жители его совсѣмъ не знаютъ зны, никогда не видѣли снѣга; наши морозы, вьюги и мятели тамъ неизвѣстны. Круглый годъ тамъ тепло и на волѣ растетъ много такихъ растений, которыя у насъ только съ большимъ трудами выращиваютъ въ теплицахъ искусные садовники. Тамъ много горъ, покрытыхъ виноградниками и цѣлыми рощами изъ лимонныхъ, апельсиновыхъ и другихъ рѣдкихъ въ нашихъ мѣстахъ фруктовыхъ деревьевъ. Жители Сициліи торгуютъ этими фруктами и винограднымъ виномъ; этимъ они и живутъ. Плоды и вино идутъ отсюда во многія чужія страны, за границу. Есть на островѣ, правда, и такія мѣста, гдѣ жители занимаются хлѣбопашествомъ, но ихъ немного. Чаще всего здѣсь совсѣмъ не видно засѣянныхъ хлѣбомъ полей, а все тянутся безконечные ряды садовъ и виноградниковъ.

Словомъ, на всей землѣ можно найти немного такихъ благословенныхъ уголковъ, какъ Сицилія. Но, несмотря на это, сицилійскіе крестьяне живутъ почти всѣ въ крайней нуждѣ. Дѣло въ томъ, что своей земли у нихъ почти совсѣмъ нѣтъ; чуть ли не вся

земля на островѣ принадлежитъ помѣщикамъ. Такъ, напримѣръ, въ округѣ Дженовезе на каждыя три десятины крестьянской земли приходится 97 десятинъ собственности различныхъ графовъ, князей и бароновъ. Иначе сказать, у нихъ въ тридцать два раза больше земли, чѣмъ у крестьянъ. Въ округѣ Сикуліана и нѣсколькихъ смежныхъ съ нимъ почти вся земля принадлежитъ одному человѣку, барону Агнелло; больше половины округа Террановы въ рукахъ одного князя Монтелеоне, и такъ далѣе.

Всѣ эти князья и графы сами по большей части землей не занимаются. Они считаютъ это для своего званія слишкомъ низкимъ. Обыкновенно они живутъ въ городахъ, и народъ ихъ въ глаза не видитъ. Всѣ заботы по управленію имѣніемъ поручаются управляющимъ. Собственное помѣщичье хозяйство у нихъ идетъ кое-какъ, много земли въ запустѣніи. Управляющіе, какъ люди нанятые, не особенно печалются объ этомъ и только разными прижимками показываютъ свою власть надъ крестьянами и нанятыми батраками. Рабочіе люди трудятся, создаютъ своимъ потомъ и кровью богатства, а помѣщики кладутъ себѣ денежки въ карманъ и проѣдаютъ въ своихъ городахъ и столицахъ. Бываетъ, что помѣщикъ живетъ весь свой вѣкъ и умираетъ, ни разу не взглянувъ на ту самую землю, отъ которой онъ каждый годъ получалъ свои тысячные доходы.

Чаще всего помѣщичьи земли сдаются въ аренду крестьянамъ. Но сами помѣщики рѣдко имѣютъ дѣло прямо съ крестьянами. Они просто сдаютъ свою землю большими участками нѣсколькимъ богатымъ арендаторамъ. Тѣ ужъ отъ себя пересдаютъ эту землю болѣе мелкими участками, съ надбавкой въ цѣнѣ. И отъ нихъ еще не всегда земля попадаетъ прямо къ настоящему крестьянину, который будетъ ее обрабатывать своими руками. Иногда ее перехватываетъ другой арендаторъ, помельче, пересдаетъ съ выгодой слѣдующему, и такъ далѣе.

Значить, рабочій человекъ получаетъ землю ужъ изъ вторыхъ, изъ третьихъ, изъ четвертыхъ рукъ. Между нимъ и помѣщикомъ втирается цѣлый рядъ посредниковъ. Имъ земля нужна не для работы, а только чтобы сдѣлать съ ней оборотъ и поживиться на счетъ рабочаго человека. Эти кулаки-арендаторы для крестьянъ во многихъ мѣстахъ еще ненавистнѣе, чѣмъ даже помѣщики и помѣщичьи управляющіе.

Что же крестьянинъ долженъ отдавать за землю и сколько послѣ этого остается ему самому? Въ разныхъ мѣстахъ бываетъ различно. Но даже и тамъ, гдѣ крестьянинъ арендуетъ землю на самыхъ льготныхъ условіяхъ, ему живется не сладко. Хорошо, если у него есть деньжонки—тогда онъ можетъ нанимать землю на долгіе сроки, лѣтъ на 15, на 20. Аренду свою онъ платитъ натурой, отдавая половину урожая. Бываетъ и хуже: крестьянинъ двѣ, а то и три части отдаетъ помѣщику, и только одну оставляетъ себѣ.

Кромѣ того, по особому условію, крестьянину обычно приходится платить за помѣщика поземельную подать. Но вотъ, проходитъ срокъ аренды, и что же оказывается? Крестьянинъ много лѣтъ подрядъ трудился надъ землей, расчищалъ ее, распахивалъ, выкорчевывалъ пни, осушалъ болота, освободилъ пашню отъ камней и сорныхъ травъ. Земля стала лучше и начала больше родить. Тутъ бы и пользоваться крестьянину трудами своихъ рукъ. Однако, не тутъ то было. Помѣщикъ видитъ, что земля стала лучше, и онъ заламываетъ за нее цѣну гораздо выше прежняго. Чтобы можно было дѣлать такъ почаше, помѣщикъ старается сдавать землю на болѣе короткіе сроки. Ему дѣла нѣтъ до того, отчего стала лучше земля. Онъ знаетъ только, что есть возможность содрать за нее побольше. Не согласится прежній арендаторъ крестьянинъ за свои же труды приплачивать помѣщику—найдутся на его мѣсто другіе. Земля всѣмъ нужна, безъ земли крестьянину не прожить, а земля въ рукахъ у помѣщика. Что тутъ станешь дѣлать?

Понево́дѣ согласишься на прибавку арендной платы. А послѣ этого и у всякаго другого крестьянина руки опускаются. Онъ, пожалуй, и ходилъ бы за матерью землей, и холилъ бы, и обряжалъ бы ее—да что, если все это сдѣлаешь на свою же голову, если помѣщикъ замѣтитъ да надбавитъ на слѣдующій срокъ плату? И вотъ, мужикъ самъ не радъ, а приходится кое-какъ ковырять землю, вмѣсто того, чтобы по настоящему, по крестьянски съ любовью ухаживать за ней, какъ за матерью-кормилицей. . . .

Не всегда крестьянинъ платитъ долю изъ урожая. Бываетъ и такъ, что онъ просто платитъ натурой, зерномъ, сколько уговорено—смотря по мѣстности, отъ 12 до 25 четвериковъ за десятину. Такія условія для крестьянъ очень тяжелы и опасны: случится напри́мѣръ, года два подрядъ неурожай, помѣщику все равно: ему подавай, сколько условлено, хотя бы на полѣ не уродилось ни одного колоса. Понево́дѣ приходится влѣзть въ долги, попасть въ лапы деревенскаго кулака-ростовщика. А выпутаться потомъ изъ его сѣтей ужъ трудно. Бываютъ еще и такія условія: въ иныхъ мѣстахъ крестьянинъ долженъ за свой счетъ, со своей лошадью исполнить всѣ сельскія работы, начиная съ пахоты и кончая молотьбой; и за все это онъ получаетъ четвертую часть урожая; изъ этой четвертой части онъ долженъ и заплатить подати, и самъ прожить съ семьей. Понятно, что ему часто не хватаетъ своего хлѣба на прожитокъ, и опять ему приходится просить займы у богатаго сосѣда-кулака; этотъ долгъ онъ обязуется заплатить съ прибавкой послѣ уборки хлѣба, все изъ той же четвертой доли урожая.

Еще хуже живется тѣмъ, кто работает на поденщанъ. Имъ рѣдко удается найти себѣ достаточно работы въ одной и той же округѣ. Чаще всего имъ приходится соединяться небольшими артелями, по сема человекъ и больше, и вести совсѣмъ бродячую, цыганскую жизнь. Они странствуютъ по всей Сициліи

изъ округа въ округъ, изъ конца въ конецъ, ища работы. Какъ настоящіе бездомные нищіе, они часто ночуютъ подь открытымъ небомъ. Имъ приходится переносить все: и ночную сырость, и дневную палящую жару, и дожди, и пронизывающіе до костей вѣтры съ моря.—Имъ неоткуда толкомъ узнать, гдѣ сейчасъ требуются рабочіе и гдѣ ихъ уже достаточно. По этому они часто ходятъ совсѣмъ напрасно, усталые, голодные, истощенные. Различныя болѣзни легко привязываются къ нимъ и быстро сваливаютъ съ ногъ изморенныхъ, обезсиленныхъ людей. Если имъ удастся наконецъ послѣ долгихъ скитаній добыть работу, то и тогда незавидна ихъ доля. Имъ приходится работать по 14, по 16 часовъ въ сутки, а это не всегда подь силу истомленному и полуголодному человѣку. Многие быстро зарабатываются до полусмерти. Помѣщику, на котораго они работаютъ, нѣтъ до этого никакого дѣла. Онъ больше жалѣетъ свою скотину, чѣмъ батрака. За рабочую лошадь, напримѣръ, онъ заплатилъ деньги; сразу загнать, заморить ее на работѣ невыгодно. А что ему батракъ? Батраку заплачено за день, и нужно за эту плату выжать изъ него какъ можно больше трудового пота. А если на завтрашній день онъ ужъ будетъ негоденъ къ работѣ, такъ что за бѣда? Охотниковъ на его мѣсто найдется всегда достаточно!

Дѣйствительно, годъ отъ году все больше и больше народу впадаютъ въ нужду; ихъ собственное хозяйство приходитъ въ разстройство. Помѣщики, ростовщики и мірошды разоряютъ ихъ въ конецъ. Приходится промышлять батрачествомъ. Все больше и больше людей пускаются въ поиски за работой, и только сбиваютъ другъ у друга плату. Цыня артели пускаются искать “гдѣ лучше.” Онѣ уходятъ изъ Сициліи въ другія части королевства. Бродячіе рабочіе наводняютъ даже нѣкоторыя сосѣднія страны—Францію, Швейцарію. Но тамъ ихъ нерѣдко ждетъ новая бѣда. Тамошніе рабочіе косо глядятъ на пришлыхъ. Пришлые

отнимають у нихъ хлѣбъ. Наголодавшись въ своей сторонѣ, они обѣими руками хватаются за всякій заработокъ и сильно себя продешевляютъ. Тамошнимъ рабочимъ это не нравится. Они съ большими трудами добились для себя съ давнихъ поръ хорошаго заработка, и продолжаютъ добиваться еще лучшаго: крѣпко стоятъ другъ за друга, устраиваютъ забастовки, не уступаютъ хозяевамъ ни въ одномъ грошѣ, помогаютъ другъ другу въ нуждѣ всей артелью, или, какъ тамъ говорится, союзомъ. И вдругъ являются какіе то чужеземцы, валяютъ валомъ, ничего не разбираютъ, и наперерывъ перебиваютъ другъ у друга работу, словомъ, однимъ махомъ разрушаютъ все, что тамошніе рабочіе строили для себя и своихъ дѣтей цѣлыми годами! У пришлыхъ съ тамошними начинаются ссоры; ссоры переходятъ въ драки и даже цѣлыя громадныя побоища. Свой же братья-рабочіе съ проклятьями бьютъ и гонятъ несчастныхъ итальянцевъ изъ своихъ мѣстъ. А чѣмъ бѣдныя виноваты? Они и въ толкъ себѣ не возьмутъ, что можно жить какънибудь иначе, чѣмъ они живутъ, да и голодъ не тетка.

Такъ живетъ бродячимъ рабочимъ. Но не легко и тѣмъ, которые находятъ достаточно заработка у себя дома, на мѣстѣ. Платятъ имъ гроши, да и то во многихъ мѣстахъ не деньгами, а плохимъ хлѣбомъ и виномъ. Да еще и жить крестьянамъ-поденщикамъ часто приходится не въ деревняхъ, а въ городѣ. Есть такія мѣста, гдѣ деревень мало. По большей части въ Сициліи крестьяне владѣютъ землей не сообща всей деревней, всѣмъ міромъ, какъ у насъ, а порознь, отдѣльными дворами. У кого есть своя земля, тотъ и ставитъ на ней свой дворъ, свою усадьбу, отдѣльно отъ другихъ. У кого нѣтъ своей земли, тотъ долженъ нанимать комнату или уголь гдѣ-нибудь въ городѣ. Помѣщики часто не сдаютъ своей земли подъ крестьянскія постройки ни батракамъ, ни даже арендаторамъ. А въ городѣ всегда жизнь дороже, — тамъ трудно имѣть свой

огородъ, свою корову, своихъ куръ—все приходится покупать на деньги. Въ Сициліи, къ тому же, заставляютъ платить при въѣздѣ въ городъ особую подать, за всѣ припасы, привезенные изъ деревни. При этомъ не разбираютъ, для чего ихъ везутъ—для продажи, или для собственнаго употребленія.

Податей вообще приходится платить крестьянамъ во всемъ итальянскомъ королевствѣ очень много. Каждый годъ за недоимки идетъ въ продажу не мало мужицкаго добра, не хуже, чѣмъ у насъ на Руси.

Подати въ Сициліи раскладываются не совсѣмъ такъ, какъ у насъ. Тамъ платятъ, напримѣръ, “съ дыма,” то есть съ печи—чѣмъ больше въ домѣ печей, тѣмъ больше приходится и платить. Платятъ еще съ каждой головы скота, съ каждой десятины земли и такъ далѣе. Впослѣдствіи, когда изъ-за податей въ Сициліи пошли большія смуты, многіе ученые люди задумались, отчего тамошніе крестьяне живутъ въ такой нуждѣ. Они стали разсчитывать, сколько мужику даетъ земля, сколько нужно ему на прокормъ съ семьей, и сколько приходится ему всего платить податей. Оказалось, что крестьянину никакъ нельзя свести концы съ концами. На каждого человѣка въ семьѣ за годъ приходится недостача рублей въ 25 на наши деньги. А вѣдь кромѣ земли крестьянину кормиться почти что не отъ чего. Стороннихъ заработковъ не найдешь, потому что въ Сициліи фабрикъ и заводовъ очень мало: разъ, два, три, да и обчелся. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тамъ добываютъ изъ подъ земли сѣру и крестьяне находятъ заработокъ въ сѣрныхъ рудникахъ. Работа тяжелая и опасная: жутко работать подъ землей, далеко отъ Божьяго свѣта, отъ солнечнаго тепла и вольнаго воздуха. Отъ сѣры идутъ вредные для здоровья пары, въ рудникахъ нерѣдко просачивается подземная вода и затопляетъ работниковъ; грозятъ смертью и частые обвалы. Однако дѣлать нечего, по нуждѣ приходится браться и за такую работу.

Другая бѣда спицилійцевъ, кромѣ недостачи земли и податей,—это начальство.

Въ Итальянскомъ королевствѣ все устройство не совсѣмъ таково, какъ въ Россіи. Тамъ есть король, есть министры, есть чиновники вродѣ нашихъ губернаторовъ, исправниковъ и такъ далѣе, только подъ другими названіями. Но всѣ эти чиновники тамъ не имѣютъ полной силы надъ народомъ. Во всей землѣ выбираются особенные уполномоченные или депутаты для провѣрки дѣйствій начальства. Эти депутаты составляютъ особую палату, и безъ согласія этой палаты даже самъ король не можетъ предпринять ничего важнаго. Это бы все хорошо, да бѣда лишь въ томъ, что бѣдные выбираютъ въ эту палату не на равныхъ правахъ съ богатыми. А еще большая бѣда была вотъ въ чемъ: простой народъ долго не понималъ, какая ему польза будетъ отъ посылки выборнаго въ палату. Оттого богатымъ и нетрудно было оттереть бѣдняковъ и забрать въ палатѣ всю силу въ свои руки. Это все равно, какъ у насъ въ земствѣ: пошлютъ крестьяне плохенькаго мужиченку въ земское собраніе, лишь бы отдѣлаться отъ “повинности”; а зайдетъ въ собраніи рѣчь объ увеличеніи сборовъ съ крестьянъ, такъ онъ не сдумаетъ двухъ-трехъ словъ связать толкомъ, а не то, чтобы постоять какъ слѣдуетъ за мірское дѣло. Бываетъ и еще хуже: выберутъ въ гласные волостного старшину. а онъ, вмѣсто того чтобы наблюдать мірской интересъ, глядитъ, какъ бы угодить земскому начальнику. Въ волости, напримѣръ, неурожай, а земскій говоритъ, что все обстоитъ благополучно; и мужицкій гласный, какъ человекъ подначальный, тоже ему поддакиваетъ. А потомъ мужики дивятся, отчего имъ отъ земства не было пособія?

Такъ же долгое время было и въ Сициліи. Крестьяне съ радостью выбирали въ депутаты всякаго, кто побогаче, или кого посовѣтуетъ ближнее начальство. Своихъ людей не выбирали—ѣхать въ столицу,

жить тамъ, слѣдить за дѣлами трудно,—и расходы большіе, и мужицкая темнота мѣшаетъ. Такъ и выѣзжали на мужицкихъ шеяхъ въ палату важные господа да сельскіе богатѣи,—тѣ самые, которые промышляли съемкой да пересдачей земли, да отдачей денегъ въ ростъ. Понятно, что они и ворочали вмѣстѣ съ начальствомъ всѣми дѣлами, какъ имъ хотѣлось. И не только въ палатѣ, а и въ общинныхъ совѣтахъ—вродѣ нашихъ волостныхъ правленій—повсюду засѣли опять таки тѣ же толстосумы. Какъ же они вели деревенскія дѣла? Понятно, заботились только о своемъ карманѣ, всѣ выгоды старались обратить себѣ, а всѣ расходы свалить на рабочаго человѣка. Приходится, напримѣръ, вести счетъ скоту, для уплаты податей—начальство съ деревенскими богачами въ стачкѣ. У иного 40 головъ скота, а онъ платитъ всего за десятокъ, потому что у него мошна толста и онъ живетъ въ ладу съ общинными воротилами и съ начальствомъ. А съ иного бѣдняка требуютъ и за ту скотину, которая давнымъ давно околѣла.

Такъ то вотъ и жили сицилійскіе крестьяне долгіе годы: бились, какъ рыба объ ледъ, еле еле сводили концы съ концами и запутывались все больше въ сѣтяхъ своихъ притѣснителей.—Бѣдствовали они страшно, но никому до того не было дѣла. Время отъ времени, то тамъ, то сямъ мужики доходили до отчаянія и расправлялись своими средствами то съ помѣщикомъ, то со сборщикомъ податей, то съ арендаторомъ-сдатчикомъ помѣщицкой земли. “Хуже все равно не будетъ” рассуждали они, и по крайней мѣрѣ срывали сердце. Конечно, являлись войска, бѣдняковъ усмиряли, судили, какъ бунтовщиковъ, сажали въ тюрьмы, ссылали, иногда даже разстрѣливали и вѣшали. И опять тянулась та же горькая, беспросвѣтная жизнь.

Но вотъ налетѣла на страну еще и новая бѣда. Сильно упали цѣны на разныя фрукты, на вино и на сѣру, продажей которыхъ жилъ островъ. И вла-

дѣльцы сѣрныхъ рудниковъ, и помѣщики потерѣли большіе убытки. Но имъ было на кого переложить эти убытки—на рабочихъ и на крестьянъ. Ссылаясь на трудныя времена, помѣщики и владѣльцы рудниковъ стали еще меньше платить за работу. А понизить арендную плату за землю они ни за что не соглашались,—напротивъ, стали требовать себѣ еще большую часть урожая, чтобы не понизился ихъ денежный доходъ. Такимъ то образомъ, въ концѣ концовъ главной своей тяжестью всѣ убытки обрушились на спину трудящагося крестьянскаго люда. И прежнихъ доходовъ у него не хватало на прожитокъ, а тутъ пришло такъ, что просто хотъ ложись, да помирай.

Что тутъ дѣлать? Терпѣть, мучиться, глядя, какъ пухнуть и мрутъ съ голоду жена и дѣти? Конечно, крестьянинъ къ терпѣнью привыченъ; да только еще можно кое-какъ терпѣть, когда впереди ждешь лучшаго. А откуда его ждать? Со стороны помощи не видно.

И вотъ, кто посмышленѣе да посмѣльѣе изъ крестьянъ, стали собираться вмѣстѣ, толковать о своемъ горѣ и нуждѣ. Они порѣшили, что больше такъ жить нельзя: надобно придумать что нибудь особенное—надо изловчиться, помочь себѣ собственными силами и средствами. А еще немного времени спустя по всему итальянскому королевству стали ходить какіе то странные слухи объ сицилійскихъ крестьянахъ.

Одни говорили, что тамъ творится совсѣмъ неладное: среди крестьянъ и рабочихъ появились какіе то союзы; въ нихъ набрались самыя-де отчаянные изъ крестьянъ, головорѣзы, воры и мошенники; они, будто бы, хотятъ извести помѣщиковъ, начальства не ставя ни въ грошъ и подбиваютъ народъ на бунтъ. Говорили, будто къ этимъ союзамъ пристали многіе изъ ученыхъ людей,—учителей, адвокатовъ, докторовъ, писателей; будто они сулятъ мужикамъ журавлей въ небѣ, разводять туры на колесахъ, а сами думаютъ только о томъ, чтобы съ помощью мужиковъ спихнуть

нынѣшнее начальство и самимъ сѣсть на его мѣсто. Разказывали что даже изъ молодыхъ дворянъ и помѣщиковъ явились такіе, которые передались на сторону мужиковъ и пошли противъ своихъ. . . .

Другіе, напротивъ, говорили, что все это выдумки и ложь: всѣ эти небылицы про союзы сочинены помѣщиками. Имъ не нравится, что крестьяне взялись за умъ и не позволяютъ грабить себя по прежнему. Союзы — дѣло хорошее, на пользу народу; всѣ члены союзовъ живутъ между собой дружно, другъ другу помогаютъ, даже зовутъ другъ-друга братьями. Дѣйствительно, не мало ученыхъ и даже богатыхъ людей перешли на сторону крестьянъ, да только безъ всякой корысти, изъ одной любви къ правдѣ: иные отдали даже все свое имущество въ пользу союзовъ.

Словомъ, слухи ходили самые различные, и стороннему человѣку трудно было рѣшить, на чьей сторонѣ правда. Помѣщицьи жалобы скоро дошли до правительства, и оно обезпокоилось. Раньше, пока мужики молчали и терпѣли, правительству до нихъ не было никакого дѣла. Оно и не думало справляться, каково имъ живется, довольны ли они своей долей. А тутъ разомъ откуда что взялось. Въ Сицилію были посланы отъ правительства особые чиновники, чтобы разслѣдовать причины народной нужды. Поговаривали, что между ними есть чиновники съ какими то особыми, тайными порученіями, и что одного изъ нихъ послали разузнать всю подноготную о крестьянскихъ союзахъ. Писали о союзахъ и въ газетахъ, и всѣ читали объ этомъ съ любопытствомъ. Тогда отъ нѣкоторыхъ газетъ въ Сицилію были нарочно отправлены надежные люди разузнать на мѣстѣ, что тамъ творится. Въ томъ числѣ былъ одинъ извѣстный итальянскій писатель по имени Росси.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Россп прежде всего отправился къ тѣмъ чиновникамъ, которыхъ послало правительство для разслѣдованія. По его расчетамъ они-то ужъ должны были хорошо знать все. Но тутъ онъ не добился никакого толку. Одни прямо отговаривались, будто ничего не знаютъ, и на островъ посланы совсѣмъ не за этимъ. Другіе виляли, боялись сказать что-нибудь невпопадъ, неудобное высшему начальству. Не трудно было догадаться, что народу нельзя ждать ничего добраго отъ этихъ чиновниковъ. Не даромъ они такъ таились и секретничали. Было видно, что правительство не о томъ хлопочетъ, чтобы узнать всѣ народныя бѣдствія, и помочь народу по настоящему, а только о томъ, чтобы присмотрѣться, какъ расправиться съ союзами, съ какой стороны лучше къ нимъ подойти и много ли потребуется силы, чтобы въ случаѣ крайности одолѣть крестьянъ войсками. Чиновники не шли къ самому народу, не спрашивали самихъ крестьянъ объ ихъ нуждѣ и о помѣщичьихъ притѣсненіяхъ. Они шушукались обо всемъ только съ помѣщиками, и мѣстнымъ начальствомъ, попами и деревенскими богачами. По ихъ словамъ, конечно, выходило, что крестьянъ никто не обижаетъ, что вся бѣда отъ низкихъ цѣнъ на хлѣбъ, сѣру и вино; помѣщики жаловались, будто они тоже наравнѣ съ крестьянами терпятъ убытки, будто они и такъ во всемъ уступаютъ крестьянамъ, но крестьянъ сбиваютъ съ толку разные смутьяны; стоитъ только засадить ихъ въ тюрьму да разогнать союзы, и все опять пойдетъ хорошо.

Не добившись никакого толку отъ чиновниковъ, Росси отправился къ главарямъ крестьянскихъ и рабочихъ союзовъ. Здѣсь его встрѣтили совершенно иначе. Заправилы союзовъ говорили, что имъ скры-

ваться нечего: правда на ихъ сторонѣ, они дѣйствуютъ на законномъ основаніи и ничего не боятся. И то сказать, что въ Италіи всѣ порядки гораздо свободнѣе, чѣмъ въ Россіи. Тамъ никому не запрещено составлять разные союзы для помощи другъ-другу; тамъ можно, не спрашивая ни у кого разрѣшенія, собраться, толковать о чемъ нравится, свободно говорить о правительствѣ, о законахъ и порядкахъ, указывать всякую неправильность и несправедливость. Тамъ не запрещено рабочимъ людямъ дѣлать забастовки, стачки противъ хозяевъ и заводить для этихъ забастовокъ артельныя кассы. Поэтому союзы не прятались ни отъ кого. У нѣкоторыхъ союзовъ были свои помѣщенія; каждый союзъ по тамошнему обычаю имѣлъ свое знамя; нерѣдко члены союза подъ музыку расхаживали по городу, собирались на площади; тамъ, при стеченіи народа, самые рѣчистые обращались къ толпѣ и говорили, отчего страдаютъ сицилійскіе крестьяне и работники, и какими средствами можно помочь горю.

Заправилы союзовъ охотно отвѣчали Росси на всѣ вопросы, которые онъ задавалъ. Они откровенно рассказывали ему, какую нужду и притѣсненія терпитъ сицилійскій народъ. Они приглашали Росси самого увѣриться въ этомъ, отправиться по деревнямъ, своими глазами посмотреть на крестьянскую бѣдность и нужду, поговорить обо всемъ съ самими крестьянами. Они звали его побывать на собраніяхъ союзовъ, посмотреть и послушать самому, о чемъ тамъ говорится и что дѣлается.

Росси такъ и сдѣлалъ. Онъ отправился вмѣстѣ съ однимъ изъ этихъ заправилъ по странѣ, ѣздилъ изъ села въ село, осматривалъ крестьянскія избы и хозяйства, читалъ разные договоры и условія между помѣщиками и крестьянами. Онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы поговорить съ крестьянами—не съ однимъ, не съ двумя человекѣми, а разомъ съ цѣлымъ обществомъ.

Такъ, напริมѣръ, онъ забхалъ въ одно большое село, расположенное въ горахъ. Всего въ томъ селѣ было девять тысячъ душъ жителей, и тамъ въ союзѣ состояло двѣ съ половиной тысячи человекъ мужчинъ и около тысячи женщинъ. Росси прїѣхалъ туда рано утромъ въ воскресенье и какъ разъ засталъ собраніе союза. Мужчины стояли по одну сторону комнаты, женщины по другую. Росси приняли очень ласково, пригласили сѣсть по срединѣ и охотно отвѣчали на его вопросы.

— Почему въ вашемъ союзѣ такъ много народу? спросилъ онъ.

— Потому что теперь мы всё поняли, что только тогда мы и сможемъ чего-нибудь добиться, когда всё соединимся—дружно отвѣчали ему.

— Чего же вы добиваетесь? чѣмъ вы недовольны?

— Спросите лучше, чѣмъ намъ быть довольными—отвѣчалъ одинъ крестьянинъ. Вотъ я безземельный: у меня ни кола, ни двора. Работу я могу достать только на шесть мѣсяцевъ въ году, остальное время мы никому не надобны. Въ цѣлую недѣлю я зарабатую только два съ половиной, три рубля,* да и то только тогда, коли нѣтъ дождей; испортится погода, такъ заработаю и еще меньше.

— Что же вы дѣлаете, когда нѣтъ работы?

— Что дѣлаемъ! Собираемъ разныя коренья, да варимъ ихъ, иной разъ даже безъ соли.

— Вы семейный?

— Какъ же, у меня жена и двое маленькихъ ребятшекъ. За квартиру въ одну комнату я плачу 26 рублей въ годъ. Спимъ мы на соломѣ, а когда работаемъ въ полѣ, такъ приходится спать и на голой землѣ, подъ открытымъ небомъ. Коли дождь промочитъ до костей, такъ за то вѣтеръ высушитъ. Когда

* Въ Италіи считаютъ не на рубли, а на лиры. Лира на наши деньги стоитъ около 25 коп. Но мы для простоты вездѣ переводимъ италіанскія деньги на нашъ расчетъ.

подходить расчетъ, помѣщики насъ заставляютъ ждать по нѣскольку часовъ. И такъ платять гроши, да еще нарываютъ обчитать, вычетами да штрафами сорвать лишнюю копейку, а иной разъ всовываютъ намъ такія деньги, что ихъ нигдѣ не принимаютъ. А попробуй, пожалуйся, такъ самъ же выйдешь виновать: судьи держуть ихъ же руку. И послѣ этого еще помѣщики говорятъ, что мы ихъ надуваемъ, отлыниваемъ отъ работы!

— Но развѣ у васъ всѣ безземельные?—спросилъ Росси.

— Нѣтъ, вотъ у меня есть и земля,—отвѣтилъ тогда другой крестьянинъ. Только вѣдь и намъ живется не лучше, чѣмъ безземельнымъ. Земли у насъ мало, а податей приходится платить много. Вотъ почти весь заработокъ и уходитъ на подати. Нашему брату такъ приходится туго, что иной разъ выгоднѣе идти на поденщину.

— Своего хлѣба почти что никогда на весь годъ не хватаетъ — поддержалъ его другой. Все равно приходится занимать въ долгъ или идти работать на барина. Удастся ежели когда выпросить у барина задатокъ, такъ онъ даетъ зерномъ пополамъ съ землей; а станешь ему назадъ отдавать, такъ онъ смотритъ въ оба, требуетъ, чтобы ему давали самый лучший хлѣбъ. У иныхъ господъ такъ таки прямо и заведено двѣ мѣры: одна поменьше, которой они мѣряютъ, когда отдають хлѣбъ намъ, а другая побольше, которой они мѣряютъ, когда получаютъ назадъ отъ насъ. А вотъ недавно мы даже отнесли тотъ хлѣбъ, что намъ дали, въ полицію: хлѣбъ не хлѣбъ, черный камень какой то, песокъ да земля—собака ѣсть не стала.

— Чего же вы хотите? продолжалъ разспрашивать Росси.

— Чего мы хотимъ? отвѣчала за всѣхъ одна молодая крестьянка. А вотъ чего: мы хотимъ, чтобы всѣ работали, какъ мы работаемъ; чтобы не было ни

богатыхъ, ни бѣдныхъ; чтобы у всѣхъ хватало хлѣба для себя и для дѣтей. Всѣ должны быть равны. У меня пять человѣкъ дѣтей и мы всѣ и спимъ, и ѣдимъ, и работаемъ въ одной комнатѣ, а у иныхъ господъ по десяти и по двѣнадцати комнатъ!

— Значитъ вы хотите все подѣлить поровну? сказалъ Росси. А вы не боитесь, что послѣ этого опять одни, половче, съумѣютъ разбогатѣть, а другіе обѣднѣютъ и попадутъ въ кабалу къ богатымъ?

— Нѣтъ, вовсе не нужно все дѣлить, отвѣчала крестьянка. Нужно, чтобы земля вся была общая, чтобы мы сообща на ней работали, а урожай дѣлили по справедливости. Тогда никто изъ насъ не будетъ богатѣть на чужой счетъ.

— А если вы будете трудиться и пользоваться сообща, то развѣ вы не боитесь, что найдутся такіе, которые будутъ отлынивать отъ работы, а кусокъ захотятъ себѣ захватить побольше, да получше?

— Нѣтъ, мы всѣ будемъ, какъ одна семья, какъ братья. Если кто провинится, будемъ стыдить, усовершенствовать, а не исправитъ, такъ будемъ и наказывать.

— Ну, а что говорятъ про это ваши священники?

— Мало ли кто чего говоритъ—всѣхъ не переслушаешь, съ досадой отвѣчала крестьянка. Христось училъ тому же, что и мы сейчасъ говоримъ. А какъ жили первые христіане и апостолы? У нихъ все было общее, каждый, кто сколько нибудь добывалъ, все складывалъ въ братскую казну. Но наши попы говорятъ совсѣмъ не то, что говорилъ Христось. Они сами часто въ нашихъ краяхъ ростовщики и мироѣды. Когда затѣвался здѣсь нашъ союзъ, это имъ было очень не по нутру. Они знали, что тогда будетъ не такъ то легко насъ обходить и надувать. Иные страшали насъ на исповѣди, другіе грозилась не допустить до причастія. Ну, да мы на это не посмотрѣли.

— Еще бы смотрѣть на это, подхватила другая крестьянка. Пить-ѣсть всякому нужно, намъ ужъ не

въ терпежь стало голодать. Мой мужь вотъ никакъ не могъ найти себѣ въ нашихъ мѣстахъ работы, и ему пришлось уйти куда то далеко-далеко на заработки, да такъ съ тѣхъ поръ я его и не видала, и не знаю, что съ нимъ—пропалъ безъ вѣсти. Теперь пришлось отдать обѣихъ взрослыхъ дочерей въ городъ, въ услуженіе къ чужимъ людямъ, да и то я никакъ здѣсь не пробуюсь съ маленькими: послѣднія лохмотья съ себя заложила кулаку-ростовщику, а онъ насъ и безъ того ужъ въ конецъ раззорилъ. А какъ разбогатѣетъ онъ на нашей нѣждѣ—переедетъ проживать наши денешки въ большой городъ, а на его мѣсто найдется новый охотникъ нашей кровушки попить. И ничего съ ними добромъ не подѣлаешь: они посмѣиваются да говорятъ, что-де законы не про насъ писаны.

— Да ужъ это вѣрно—вставила свое слово третья крестьянка, постарше. Когда богатый попадетъ на какомъ нибудь нехорошемъ дѣлѣ, онъ всегда найдетъ благопріятелей, они живо его выручатъ, замажутъ ротъ кому слѣдуетъ. А нашего брата-голыша тотчасъ сажаютъ въ тюрьму, коли онъ съ голодухи стащитъ краюшку хлѣба.

— Кстати—спросилъ Росси—вотъ про васъ рассказываютъ, будто у васъ принимаютъ въ союзы всякихъ воровъ и разбойниковъ. Правда ли это?

— Кто это вамъ наговорилъ? отвѣчали мужики. Ужъ навѣрно, кто нибудь изъ помѣщиковъ или чиновниковъ. Это все напраслина. Дурныхъ людей мы не принимаемъ. Они бы намъ только навредили и напортили. Мы принимаемъ въ товарищи только людей вѣрныхъ, честныхъ. Оно, конечно, можетъ и найдется въ союзахъ нѣсколько человекъ, которымъ приходилось отсиживать въ тюрьмѣ по суду. Вотъ на нихъ-то помѣщики и тычутъ пальцами, да говорятъ, что въ союзахъ воры и разбойники. Да не всякій, кто побывалъ въ тюрьмѣ, тотъ и плохъ. Недаромъ говорится, что отъ сумы да отъ тюрьмы не

открестись. Настоящіе то грабители часто не только разгуливають на свободѣ, а еще живутъ въ раззолоченныхъ палатахъ. А вотъ бѣднякъ, который съ голодухи стащилъ краюху хлѣба, либо вязанку дровъ —этотъ ужъ отъ тюрьмы не уйдетъ. Что жъ, неужели за это отъ него бѣжать, какъ отъ зачумленнаго? Онъ не злодѣй, а такой же человѣкъ, какъ всякій изъ насъ, только еще несчастнѣе другихъ. Его надо поддержать, принять къ себѣ, а то онъ совсѣмъ пропадетъ. Такихъ мы принимаемъ, какъ братьевъ, какъ въ свою семью; мы ихъ не попрекаемъ, а помогаемъ исправиться. Насъ за это не бранить бы надо, а еще благодарить. Вѣдь и Христосъ велѣлъ прощать грѣшниковъ. Одинъ изъ нашихъ главарей сказалъ правду: наши союзы должны сдѣлать такъ, чтобы всѣмъ жилось хорошо. Тогда никому не будетъ нужды воровать или вредить ближнему.

Росси не вѣрилъ своимъ ушамъ, слыша такія разумныя и смѣлыя рѣчи отъ простыхъ, неученыхъ крестьянъ, о которыхъ чиновники и помѣщики отзывались, какъ о дикаряхъ и разбойникахъ. . . .

— Ну, и какъ же идутъ дѣла вашего союза? спросилъ онъ.

— Отлично. Недавно у насъ были выборы въ общинный совѣтъ.* Старые совѣтники держали руку помѣщиковъ и начальства; такъ мы имъ дали по шапкѣ и выбрали почти всѣхъ изъ своихъ людей. То же самое было во многихъ другихъ мѣстахъ. И не мудрено: почти весь народъ, кромѣ помѣщиковъ и толстосумовъ, либо принадлежитъ къ союзамъ, либо собирается къ нимъ пристать. На слѣдующихъ выборахъ мы поставимъ въ совѣтники еще больше народу изъ своихъ. А вѣдь имъ приходится рѣшать

* Общинный совѣтъ — вродѣ нашего волостного управления; только тамъ выбирается не одинъ старшина, а нѣсколько совѣтниковъ, которые ведутъ дѣла сообща, и ужъ сами выбираютъ изъ своей среды *синдика*, т. е. старшину.

много такихъ дѣлъ, которыя очень важны для крестьянства. Союзы скоро заберутъ всѣ общественныя дѣла въ свои руки.

— Но вѣдь этого еще мало, сказали Росси. Пусть все сельское управление будетъ въ вашихъ рукахъ, вѣдь отъ этого ваши подати не уменьшатся.

— Мы это отлично знаемъ сами—отвѣтила ему одна крестьянка. Конечно, наши сельскія и городскія власти могутъ искоренить не все зло, отъ котораго мы терпимъ, и защитить не отъ всѣхъ беззаконій, которыя съ нами творятся. Но союзы добьются того, что будутъ выбирать своихъ людей, социалистовъ* депутатами и въ палату. Тогда можно будетъ подумать и о томъ, какъ заставить палату выслушать наши требованія, уменьшить подати. Тогда можно будетъ слѣдить и за тѣмъ, чтобы законы писались такіе, какіе намъ нужны, а не такіе, какіе нужны помѣщикамъ противъ насъ.

— Но вѣдь пока крестьянскіе союзы есть только въ Сициліи, замѣтилъ Росси. А Сицилія — только маленькая часть всей Италіи, значитъ и депутатовъ Сицилія посылаетъ въ палату всего нѣсколько человекъ. Что же они одни могутъ сдѣлать?

— Мы надѣемся, что и во всей Италіи скоро будутъ такіе же союзы—горячо отвѣтилъ одинъ молодой парень съ живымъ и умнымъ лицомъ. Число союзовъ нашихъ на островѣ въ короткое время увеличилось вчетверо. Неужели въ остальной Италіи наши страдающіе братья будутъ продолжать спать? Нужно

* Слова социалистъ, социализмъ не слѣдуетъ смѣшивать со словами Сицилія, сицилиецъ. Сицилія—название острова, сицилиецъ—житель острова Сициліи. А *социалистами* во всѣхъ странахъ и у насъ въ Россіи называютъ тѣхъ людей, которые хотятъ, чтобы земля, фабрики и заводы были общей народною собственностью, чтобы всякій человекъ въ обществѣ былъ обезпеченъ посильной работой и жилъ наравнѣ со всѣми въ полномъ достаткѣ; чтобы не было, какъ теперь, сытыхъ бездѣльниковъ-богачей и голодныхъ труженниковъ.

только ихъ разбудить, растолковать имъ, что надо дѣлать—и тогда тотчасъ же повсюду образуется множество союзовъ. Вѣдь и мы до прошлой весны и понятія не имѣли, что такое союзъ. Мы помирали съ голоду и все таки молчали. Мы были слѣпы и ничего не видѣли!

— Напрасно вы думаете, что правительство будетъ спокойно смотрѣть на васъ, возразилъ Росси. Оно не ожидало, что ваши союзы такъ разростутся, потому и не успѣло во время принять мѣры. Но теперь оно не сдѣлаетъ такой ошибки. Оно не допуститъ, чтобы союзы завелись во всей Италіи; вотъ увидите, что оно скоро запретитъ союзы и у васъ. Вѣдь вы живете на островѣ, со всѣхъ сторонъ вы окружены моремъ. Васъ легко кругомъ оцѣпить войсками на военныхъ корабляхъ. Что вы тогда будете дѣлать?

— Мы умремъ всѣ вмѣстѣ, отвѣчали разомъ и мужчины, и женщины. Лучше пусть насъ всѣхъ разорвутъ на части, лучше пусть всѣхъ перебьютъ, чѣмъ уничтожить наши союзы. Они будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока останется въ живыхъ хоть одинъ изъ членовъ. Но наша кровь будетъ вопіять о мщеніи! И когда рабочіе и крестьяне во всей остальной Италіи услышатъ, что насъ убиваютъ за то, что мы требуемъ хлѣба и работы—они тоже возстанутъ, они вступятся за наше дѣло, и тогда посмотримъ, кто побѣдитъ въ концѣ концовъ!

Такъ говорили мужчины и женщины, окружавшіе Росси. Ихъ было около ста человекъ, и всѣ говорили, какъ одинъ. По лицамъ ихъ было видно, какъ глубоко, какъ искренно они чувствовали все то, что говорили. Видно было, что и на дѣлѣ они будутъ такъ же тверды, какъ и на словахъ.

— Мнѣ хочется спросить васъ еще объ одномъ, сказалъ тогда Росси. Удастся ли вамъ добиться въ концѣ концовъ всего, что вы хотите—неизвѣстно. Но мнѣ хотѣлось бы знать: сейчасъ, пока—есть вамъ какая нибудь польза отъ союзовъ или нѣтъ?

— Конечно, и даже большая. Испугавшись союзовъ, многіе помѣщики ужъ начали уступать, облегчили тяжелыя арендныя условія. Другіе стали совѣстливѣе разсчитываться съ рабочими, сказалъ одинъ.

— Союзы устраиваютъ школы для взрослыхъ, прибавилъ другой. Многіе изъ насъ собираются туда по праздникамъ, или даже въ будни по вечерамъ. Тамъ намъ читаютъ и разсказываютъ о многихъ интересныхъ и полезныхъ для насъ вещахъ. Мы вѣдь люди темные. Намъ прежде всего надо подучиться, чтобы помѣщики не могли насъ такъ обманывать. Мы завели свои школы, бібліотеки, покупаемъ туда книги, велѣли прислать туда всѣ законы, чтобы знать, какія наши права, что съ насъ начальство можетъ и чего не можетъ требовать. Союзы научили насъ лучше смотрѣть за своими собственными сельскими дѣлами, провѣрять и учитывать выбранныхъ нами общинныхъ совѣтниковъ.

— Кромѣ того, сказалъ одинъ пожилой крестьянинъ, мы стараемся помогать другъ другу при несчастіяхъ. Если умираетъ членъ союза, мы собираемъ денегъ для вдовы или помогаемъ ей какъ [нибудь иначе. Вотъ хотъ бы сейчасъ: одинъ изъ нашихъ, молодой парень, пролежалъ нѣсколько мѣсяцевъ въ больницѣ, и теперь еще не совсѣмъ поправился; такъ вотъ онъ теперь и проживаетъ поочередно у тѣхъ изъ насъ, кто позажиточнѣе. Вы видите, что мы ничего худого не дѣлаемъ: мы хотимъ только, чтобы каждый изъ насъ имѣлъ кусокъ хлѣба. И вотъ, за это распускаютъ про насъ разныя небылицы, насъ хотятъ сажать въ тюрьмы. . . . Неужели за доброе дѣло можно забирать и сажать?

Долго еще разговаривалъ съ ними Росси, и вполнѣ убѣдился, что крестьяне отлично понимаютъ пользу союзовъ и стоятъ за нихъ горой.

“Попробуй-ка кто нѣбудь изъ насъ въ одиночку пойти противъ нашихъ недруговъ—разсуждали крестьяне—попробуй-ка, напрімѣръ, потребовать отъ

помѣщика сбавки аренды, или отъ начальства суда по правдѣ, по совѣсти,—кто его послушаетъ? Начальство не станетъ и разговаривать съ такимъ смѣльчакомъ. Помѣщикъ по просту прогонитъ его со своей земли. Вѣдь на нее всегда найдется много охотниковъ. Покуда у насъ не было союзовъ, мы вѣчно перебивали землю другъ у друга. Одинъ передъ другимъ набивалъ арендную цѣну. Ну, а теперь ужъ не то. Теперь каждый изъ насъ горой стоитъ за все общество, и все общество стоитъ горой за каждого члена. Что скажетъ одинъ, на томъ стоятъ и всѣ. И теперь съ нами справиться не такъ то легко. Одинъ пруть нетрудно переломить и малому ребенку; а свяжи нѣсколько десятковъ такихъ прутьевъ въ вѣнникъ—такъ его сразу и силачъ не переломить. Такъ и мы. Пока каждый шелъ въ разбродъ, въ одиночку—съ нимъ совладѣть было немудрено. А какъ стали мы держаться дружныи, всѣ вмѣстѣ—небось, и самое высшее начальство стало прислушиваться къ нашимъ жалобамъ. Раньше оно на насъ и вниманія не хотѣло обращать—а теперь, пожалуй, ему еще придется во многомъ по нашему сдѣлать.”

Конечно, до всего этого крестьяне додумались не сразу, не въ одинъ день. Напротивъ. Сначала—какъ и у насъ еще до сихъ поръ на Руси—крестьяне спцилійскіе твердили, что они люди маленькіе, значить, имъ приходится только молчать да терпѣть. “Противъ рожна не попрешь,” “съ сильнымъ не борись, богатому въ поясъ поклонись,” “плетью обуха не перешибешь” эти поговорки переходили отъ дѣдовъ къ отцамъ, отъ отцовъ къ дѣтямъ, изъ рода въ родъ.

Какимъ же образомъ крестьяне додумались до того, чтобы устраивать союзы? Это дѣло началось съ маленькаго. Сначала крестьяне попробовали столковаться и орудовать сообща въ своихъ мірскихъ, общественныхъ дѣлахъ. Одному здѣсь ничего нельзя было подѣлать: одинъ въ полѣ не воинъ. Одинокаго бѣдняка сельскіе воротилы тотчасъ бы живьемъ съѣли.

Сообща — дѣло другое. Одинъ за другимъ полетѣли многие изъ воротилъ съ насиженныхъ мѣстъ, другимъ укоротили черезчуръ длинныя руки. Конечно, и воротилы не дремали, начали донимать своихъ враговъ не мытьемъ, такъ катаньемъ. Крупный съемщикъ арендаторъ отказывалъ имъ въ арендѣ или заламывалъ такую цѣну, какихъ никогда не бываетъ; сельскій лавочникъ переставалъ отпускать въ долгъ товаръ, давалъ изъ лавки самую послѣднюю гниль и залежь и дралъ за нее бѣшенныя деньги; а то такъ и совсѣмъ не отпускалъ товару ни за какія деньги. Кулак-ростовщикъ отказывалъ давать займы или дралъ съ “непокорныхъ” процентъ вдвое противъ прочихъ крестьянъ. Сначала смѣльчакамъ пришлось туго. Но худа безъ добра не бываетъ. Недаромъ говорить пословица, что нужда научить калачи ѣсть. Тѣ крестьяне, которые рѣшились идти противъ сельскихъ воротилъ, попробовали обходиться безъ ихъ помощи. Сами сообща стали снимать землю прямо у помѣщика большимъ участкомъ, а потомъ ужъ дѣлить между собой; а иногда землю и не дѣлили вовсе, работали на ней сообща, а дѣлили по справедливости урожай. вмѣсто того чтобы покупать у лавочника, стали поочередно ѣздить въ городъ закупать разомъ для всѣхъ товарищей разный товаръ. Чтобы было гдѣ перехватить денегъ въ нуждѣ, устроили сберегательную кассу. Отъ всего этого оказались немалыя выгоды. При арендѣ прямо отъ помѣщика не нужно было переплачивать надбавку посредникамъ; покупать въ городѣ оптомъ товаръ было дешевле, чѣмъ у лавочника, да и товаръ оказался лучше; про ростовщика и говорить нечего. Словомъ, крестьянамъ еще можно было поблагодарить мироѣдовъ за науку. Они сами того не ждали, и не хотѣли, а научили мужиковъ обходиться безъ нихъ, сообща помогая другъ другу....

Дѣла пошли успѣшно и крестьяне приободрились. Они понемногу набрались такой смѣлости, что попробовали потягаться и съ помѣщиками. Только для

этого оказалось еще нужнѣе общее дружное согласіе, крѣпкій уговоръ. Напримѣръ, если въ страдную пору къ своевольному помѣщику никто не пойдетъ наниматься на работу, ему придется туго. То же самое, если по уговору никто не будетъ снимать его земли. Если проучить такъ помѣщика разокъ-другой, такъ онъ станетъ шелковый: хоть веревки изъ него вей. Только для этого надо, чтобы на одномъ и томъ же зарокъ положили разомъ во всѣхъ сосѣднихъ деревняхъ. Стали собираться, сходиться лучшіе люди изъ разныхъ деревень, сговариваться сначала съ односельчанами, потомъ между собой. Такимъ то вотъ родомъ понемногу и завелись первые союзы. Въ каждой деревнѣ былъ свой союзъ; выборные отъ нѣсколькихъ союзовъ сходились вмѣстѣ и сталкивались, чтобы всѣ союзы другъ друга поддерживали и вели одну и ту же линію.

Помѣщики и сельскіе воротилы тогда обратились къ священникамъ, чтобы тѣ отговаривали своихъ прихожанъ отъ союзовъ. Священники принялись за дѣло и даже переусердствовали. Иные въ церквахъ принимались говорить цѣлыя проповѣди противъ союзовъ; другіе застрашивали крестьянъ церковными проклятыями и адскими муками. Тогда крестьяне обратились къ нимъ съ вопросомъ: если бросить союзы, то какъ же быть и что дѣлать? У священниковъ на это нашелся только одинъ отвѣтъ: молитесь Богу, терпите и ждите за свое терпѣнье награды въ будущей жизни на небѣ. Крестьяне, однако, призадумались: отчего же это сами попы ради будущей жизни не хотятъ терпѣть лишней и живутъ себѣ припѣваючи? Если это не вредно попамъ, такъ отчего же будетъ вредно крестьянамъ? Будущая жизнь—дѣло особое, а не худо и настоящую жизнь устроить получше и посправедливѣе. А другіе крестьяне такъ прямокомъ говорили: попы-де только затѣмъ и сулятъ намъ всякія блага на томъ свѣтѣ, чтобы удобнѣе было насъ обирать и околпачивать на этомъ свѣтѣ. Съ того

свѣта еще никто не ворочался; пускай себѣ журавль летаетъ въ небѣ, а мы синицу изъ рукъ упускать несорасны!

Такимъ родомъ священники только сами себѣ повредили. Напугать напугали немногихъ, а поссорились съ крестьянами крѣпко. Въ иныхъ мѣстахъ крестьяне совсѣмъ стали отказываться пускать въ дома поповъ съ молебнами и требами, да и въ церковь къ нимъ стали заглядывать рѣже. Увидавъ, что церковные уговоры не дѣйствуютъ, помѣщики обратились къ начальству, чтобы оно попробовало справиться съ крестьянами своей властью. А крестьяне задумались о томъ, какъ бы скорѣе провести своихъ людей въ палату и укоротить руки начальству. Всѣ видѣли, что дѣло пошло не на шутку.

Глава третья.

Когда Росси разѣзжалъ по Сициліи, крестьянамъ тамъ еще можно было дѣйствовать свободно. Устроители и главари союзовъ разѣзжали по всему острову, собирали народъ на сходки и говорили о способахъ помочь крестьянской нуждѣ. Народъ сходилъ слушать ихъ громадными и шумными толпами. Повсюду въ союзы набирался народъ; устраивались союзы и тамъ, гдѣ ихъ раньше не было. .

Нужно было посмотрѣть, съ какой радостью крестьяне и рабочіе встрѣчали своихъ вожаковъ! Среди этихъ вожаковъ были такіе, которые уже стали извѣстны по всему острову. Они трудились на общую пользу, не зная отдыха. Всегда они готовы были поѣхать съ одного конца острова на другой, помочь товарищамъ совѣтомъ, ободрить при неудачѣ, передать хорошую вѣсточку о какомъ нибудь новомъ успѣхѣ или новой

побѣдѣ народнаго дѣла. Они помогали неумѣлымъ, придавали смѣлости робкимъ и запуганнымъ, умѣли расшевелить даже самыхъ лѣнивыхъ и равнодушныхъ.

Росси долго ѣздилъ по острову съ однимъ изъ такихъ вожаковъ, по имени Боско. Боско былъ еще молодой человѣкъ. Родители его были люди небогатые, и онъ служилъ по счетной части въ одномъ большомъ торговомъ домѣ въ Палермо, главномъ городѣ острова. Боско былъ человѣкъ образованный и понимающій. Онъ близко видѣлъ народную нужду и его сердце сжималось при видѣ бѣдствій крестьянъ и рабочихъ. Онъ много думалъ, какъ помочь бѣдѣ, много читалъ, отыскивалъ въ книгахъ, у ученыхъ людей, отвѣтовъ на свои вопросы. Наконецъ, онъ сдѣлался *соціалистомъ*. Онъ порѣшилъ, что до тѣхъ поръ страданія народа не прекратятся, пока всѣ идутъ въ разбродъ, каждый знаетъ только про себя и никому нѣтъ дѣла до другихъ. Онъ рѣшилъ, что люди должны жить какъ братья, артельно, одной большой семьей. И земля, и заводы, и фабрики должны быть общей собственностью. И работать должно на нихъ артельно. Каждый, кто работаетъ, имѣетъ право на справедливую долю, наравнѣ со всѣми товарищами. Съ общаго согласія выбираютъ подходящіе люди завѣдывать разными дѣлами, которыми нынче завѣдуетъ разное начальство: одни дорожнымъ дѣломъ, другіе врачебной частью, третьи—порядкомъ въ странѣ, четвертые—артельными работами, и такъ дальше. Словомъ, на мѣсто “начальства” становятся просто на просто мірскіе люди, вродѣ того, какъ бы приказчики по выбору общества; и они должны знать одного только хозяина—выбравшее ихъ общество. Съ этими мыслями Боско и обратился къ своимъ знакомымъ крестьянамъ и рабочимъ. Онъ совѣтовалъ имъ не дожидаться ничего отъ доброй воли начальства и господъ, а приниматься за свое дѣло самимъ, дружно, сообща, артельно: стоять другъ за друга, какъ братъ за брата, отвоевывать общими силами лучшую долю.

У Боско явились и товарищи. По большей части это были тоже все дѣти небогатыхъ родителей, но побывавшіе въ ученьи, много знавшіе, много читавшіе, знакомые со всѣмъ, что творится въ Божьемъ мірѣ. Не мало явилось социалистовъ изъ молодыхъ докторовъ, школьныхъ учителей, адвокатовъ, разныхъ служащихъ по письменной и счетной части. Все это были, въ концѣ концовъ, тоже люди трудящіеся, имъ тоже доставалась каждая копейка не даромъ. Конечно, и трудъ ихъ былъ полегче крестьянскаго, и заработокъ лучше; но все таки имъ былъ скорѣе своимъ братомъ простой рабочій или крестьянинъ, чѣмъ спѣсивый богачъ—помѣщикъ или купецъ.

Изъ этихъ-то образованныхъ работниковъ, или, какъ говорится, изъ *интеллигенціи* и набрались первые вожаки и устроители союзовъ. Но среди нихъ встрѣчались даже молодые люди изъ богатыхъ семействъ. Многие изъ нихъ поссорились съ родителями и ушли изъ родного дома изъ за любви къ народному дѣлу. Такъ, среди первыхъ устроителей союзовъ вмѣстѣ съ Боско особенно много дѣйствовалъ молодой человекъ изъ старинной, знатной фамиліи, баронъ Кольнаго; онъ былъ наслѣдникомъ большихъ помѣстій, и почти все свое имущество пожертвовалъ союзамъ. Въ другомъ мѣстѣ, въ городѣ Каникатти, отдалъ всё свои имѣнія въ общую народную собственность молодой помѣщикъ Гаэтанъ Рава; въ третьемъ мѣстѣ не мало помощи дѣлу оказалъ сынъ сенатора Францискъ Перрецъ. Такихъ случаевъ было не мало. Одинъ мировой судья тайкомъ постоянно совѣтовалъ крестьянамъ, и рабочимъ записываться въ союзы. Другой чиновникъ, занимавшій хорошее мѣсто и получавшій большое жалованье, бросилъ свою службу: онъ хотѣлъ безъ помѣхи и цѣликомъ заняться дѣлами союзовъ, ꙗ начальство, конечно, его стѣсняло. Такъ во всѣхъ сословіяхъ нашлись честные люди, которые не могли спокойно видѣть народную нужду, не могли спокойно пить и ѣсть, когда кругомъ нихъ народъ голодалъ. И вотъ

многіе изъ нихъ оставляли свое спокойное и счастливое житье и помогали крестьянамъ словомъ и дѣломъ. Имъ часто приходилось на всю жизнь расходиться со всѣми родными, со всѣми прежними знакомыми. Тѣ не понимали, какъ это можно “благородному человѣку” переходить на сторону “мужичья” и заодно съ нимъ идти противъ своихъ. Много осуждали и ругали такихъ людей, называли ихъ “перебѣжчиками,” много взводили на нихъ всякой клеветы и напраслины. Говорили, будто они только бунтуютъ мужиковъ, чтобы съ ихъ помощью возвыситься и забрать въ свои руки власть. И никакъ нельзя было разубѣдить въ этомъ клеветниковъ. Есть такіе люди, которые ни за что не повѣрятъ въ чужую доброту. Для нихъ самихъ нѣтъ ничего въ мірѣ лучше и святѣ туго-набитой мошны и собственнаго благополучія. Какъ же имъ вбить въ голову, что ради счастья ближнихъ можно пожертвовать своей выгодой? Да покажи имъ хоть ангела во плоти, они и то скажутъ, что-де онъ только прикидывается добрымъ, а на самомъ дѣлѣ хитрить, имѣетъ свои расчеты. . . .

За то крестьяне не могли нахвалиться своими новыми жожаками и души въ нихъ не чаяли. Особенно любилъ народъ одного изъ нихъ, по имени Дефеличе. Это былъ еще молодой мужчина, необычайный красавецъ и силачъ, съ громкимъ, звучнымъ голосомъ. Когда онъ принимался говорить къ народу — всѣ затихали, всякій ловилъ каждое слово Де-Феличе. Это былъ настоящій народный апостоль, каждое его слово попадало прямо въ сердце крестьянамъ, затрогивало ретивое. Когда Росси и Боско встрѣтились на пути съ Дефеличе и дальше поѣхали вмѣстѣ, то въ каждомъ селѣ народъ ихъ встрѣчалъ съ восторгомъ и почетомъ. Прослыхавъ, что ѣдетъ Дефеличе, сельчане толпами далеко выходили къ нему навстрѣчу съ пѣснями и музыкой; женщины и дѣти бросали ему на дорогу цвѣты. Какъ спѣшилъ всякій крестьянинъ

пожать своей мозолистою рукою руку Дефеличе, который со всѣми былъ запросто, какъ братъ съ братьями!

Самой горячей благодарностью платилъ народъ своимъ вожакамъ за ихъ труды. Когда Росси какъ то заговорилъ съ крестьянами о помѣщичьихъ клеветахъ противъ вожаковъ союзовъ, крестьяне съ горячностью отвѣчали: “Если бы Господь послалъ для насъ ангеловъ съ неба, такъ и они не служили бы намъ вѣрнѣе и лучше, чѣмъ Боско и Дефеличе. Они учатъ насъ правдѣ. Мы жили въ темнотѣ, а они принесли намъ свѣтъ!”

Въ другой разъ одинъ изъ любимѣйшихъ народныхъ вожаковъ, Андрей Коста, прѣхалъ въ одно большое село совершенно неожиданно. Какъ только жители объ этомъ узнали, они тотчасъ же сбѣжались къ станціи желѣзной дороги. Одни постарались задержать Андрея Коста на полчаса на станціи; другіе тѣмъ временемъ быстро построили при вѣздѣ въ деревню красивые мостики и забросали ихъ цвѣтами и зеленью; надъ мостиками устроили ворота и украсили ихъ цвѣтами и разноцвѣтными лентами. По этимъ мостикамъ, черезъ ворота они торжественно ввели въ деревню своего гостя, съ пѣснями и музыкой. Такъ чествовали крестьяне людей, потрудившихся имъ на пользу.

Помѣщики распускали слухи, будто во всемъ виноваты вожаки, будто безъ нихъ все было бы спокойно: народъ, дескать, только идетъ за ними, какъ послушное стадо барановъ, и самъ не знаетъ, куда его ведутъ. Росси захотѣлъ провѣрить, правда ли это. Поэтому онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы поразспросить самихъ крестьянъ объ ихъ дѣлахъ.

Въ одномъ небольшомъ городкѣ Росси увидѣлъ въ помѣщеніи союза шестидесяти-лѣтняго старичка-крестьянина и спросилъ его:

— Скажите, почему вы всѣ соединяетесь въ союзы? чего вы ждете отъ нихъ? чего добиваетесь?

— Мы хотимъ хлѣба и работы! отвѣчалъ ему ста-

рикъ. И всё наши надежды—только на союзы. Баре до сихъ поръ только о томъ и думали, какъ драть съ насъ по двѣ шкуры. Поэтому мы рѣшили, наконецъ, соединиться, чтобы съ нами обращались лучше. До сихъ поръ мы все только терпѣли да ждали, и ничего не дождались. Теперь надо попробовать свои средства. До сихъ поръ только господа сводили съ нами счеты по своимъ книжкамъ; теперь и наши союзы сведутъ съ ними старые счеты!

— А если правительство заставитъ васъ распустить ваши союзы?

— Распустить союзы? Да вѣдь наше дѣло правое, наше дѣло святое. Я всегда останусь такимъ, какъ теперь. Мы не поддадимся.

— А если пришлютъ солдатъ?

— Тогда лучше умереть. Лучше умереть разомъ всёмъ вмѣстѣ, чѣмъ терпѣть такую собачью жизнь, какъ теперь.

— Ну, а что вамъ говорить о союзахъ ваши священники?

— Да разъ какъ то нашъ священникъ началъ мнѣ дурно говорить о союзахъ. Все уговаривалъ, чтобы мы не шли противъ помѣщиковъ. Такъ я ему отвѣтилъ: “Ты, батюшка, говоришь съ амвона, что богатому не войти въ царствіе Божіе, что бѣдняка Богъ любить. Какъ же ты теперь бранишь союзы? Мы соединяемся, хотимъ жить братьями, хотимъ, чтобы все было по евангелію. Въ союзахъ правда Христова.” Онъ и прикусилъ языкъ.

Такъ говорили даже старики. А ужъ старики обычно туго поддаются чему нибудь новому.

Въ другомъ мѣстѣ Росси опять поднялъ тотъ же самый разговоръ на собраніи союза.

— Вотъ я слышалъ—сказалъ онъ крестьянамъ— что члены всѣхъ союзовъ называютъ себя социалистами. Что это означаетъ, по вашему?

— Мы называемъ такъ себя вотъ почему. Мы хотимъ, чтобы земля и хозяйство было общее, чтобы

не было бѣдныхъ тружениковъ и богатыхъ! бездѣльниковъ: всякій долженъ имѣть, что ѣсть и чѣмъ жить.

— А каково вамъ живется теперь?

— А каково намъ теперь живется, я вамъ расскажу, —отвѣчалъ одинъ пожилой крестьянинъ. Вотъ у меня шесть человѣкъ дѣтей. Цѣлую недѣлю мы ужъ сухой корки хлѣба въ глаза не видали. Есть еще кое-какая овоць—тѣмъ и пробавляемся, чтобы не умереть съ голоду.

— Мнѣ вотъ ужъ пятьдесятъ лѣтъ—закричалъ изъ толпы худой и оборванный крестьянинъ—а повѣрите ли, я еще ни разу во всю жизнь не съѣлъ ни кусочка мяса!

— А вотъ иные помѣщики еще говорятъ—прибавить третій—чтобы мы не ѣли и разныхъ травъ — они-де нужны скоту!

— Насъ, членовъ союза, они называютъ разбойниками—продолжалъ рассказывать первый крестьянинъ. Они насъ ненавидятъ, союзы стали имъ поперекъ горла. Нѣкоторые помѣщики не хотятъ брать насъ на работы, а нанимаютъ изъ другихъ деревень, гдѣ еще нѣтъ союзовъ. А другіе помѣщики ужъ пообмякли, боятся насъ, даже первые здороваются при встрѣчѣ.

— Что же, вы надѣетесь, что вамъ будетъ лучше въ будущемъ? спросилъ Росси.

— Конечно! коли не удастся добромъ, то мы попробуемъ и другіе способа. Силь у насъ нѣтъ больше терпѣть такое каторжное житье, какъ сейчасъ. Съ насъ не дереть развѣ только мертвый. Займешь зимой рубль—осенью подавай два.

— Неужели же всѣ помѣщики такіе разбойники?

— Есть между ними и честные. Да мало ихъ что-то.

— А вотъ помѣщики на васъ жалуются, сказали Росси. Говорятъ, что прошлымъ лѣтомъ вы у нихъ погнали много сѣна. Правда это?

— Зря они это на насъ ваять. Сами сожгли, чтобы страховку получить, а теперь сваливаютъ на

союзы. Имъ хотѣлось, чтобы сюда противъ насъ войско прислали. Такъ и вышло. Нагнали сюда пропасть солдатъ. Ну, да мы и теперь не поддадимся.

Крестьянамъ не вѣрилось, чтобы начальство рѣшилось силой разогнать ихъ союзы, когда въ нихъ набралось такъ много народу. Имъ не вѣрилось также, чтобы солдаты рѣшились стрѣлять по своимъ. Они рассказали Росси такой случай: въ одно село прислали для усмиренія крестьянъ солдатъ. Только что было солдаты подняли ружья противъ толпы и грозилась стрѣлять, какъ изъ толпы выбѣжала молодая дѣвушка и смѣло встала между солдатами и крестьянами. Она обратилась къ солдатамъ и крикнула имъ: “неужели у васъ не дрогнетъ рука стрѣлять въ насъ, вашихъ братьевъ и сестеръ?” Солдаты смутились; ружья у нихъ невольно опустились. А одинъ изъ солдатъ даже потихоньку шепнулъ смѣлой дѣвушкѣ: “если бы ты меня попросила, я бы охотно отдалъ тебѣ мое ружье.”

Даже среди офицеровъ находились такіе, которые очень неохотно ходили на усмиренія. Съ однимъ изъ такихъ офицеровъ Росси случайно встрѣтился и разговорился въ вагонѣ желѣзной дороги. Офицеръ сознавался, что жить крестьянамъ очень тяжело; правительство должно бы было имъ помочь, а оно вмѣсто этого присылаетъ къ нимъ на постой войска.

— Недавно—разсказывалъ офицеръ—пришлось мнѣ съ моими солдатами остановиться въ одной деревнѣ.

Мы только что сдѣлали долгій, утомительный переходъ. Жара была страшная, и я зашелъ на одно гумно попросить напиться. Какъ разъ въ это время тамъ помѣщикъ рассчитывался съ крестьянами. Они перемѣривали весь хлѣбъ, потому что работали изъ доли урожая. Кончили они мѣрять, и я увидѣлъ что одному крестьянину досталась всего на всего одна мѣрка ржи. . . . И это за всѣ труды! Онъ стоялъ, точно окаменѣлый; оперся подбородкомъ на ручку своей лопаты и смотрѣлъ, какъ съумасшедшій, то на свою мѣрку, то на жену и пятерыхъ дѣтей, стоявшихъ

туть же. Вѣдь этой мѣркой они всѣ должны жить до будущаго урожая! Это значитъ, что имъ опять придется пѣлый годъ голодать! Онъ молчалъ; только двѣ крупныя слезы медленно катились изъ глазъ по его загорѣлымъ щекамъ. . . . Во всю свою жизнь я не забуду его! А туть же были и такіе крестьяне, которые не только ничего не получили, но еще остались должны помѣщику. Туть помогать нужно не солдатами!

Точка въ точку то же самое говорили и крестьяне. “Вмѣстѣ того, чтобы присылать къ намъ столько солдатъ—говорили они—правительство лучше заставило бы помѣщиковъ сдавать намъ землю исполу. Тогда бы мы повѣрили, что оно хочетъ намъ добра, и все было бы у насъ тихо и мирно. И солдаты бы не понадобились. Но если захотятъ силой насъ разогнать, наши союзы уничтожить—тогда мы еще поспоримъ. У насъ тоже найдется оружіе. Мы не позволимъ, чтобы съ нами обращались, какъ со скотомъ. Намъ больше не на кого надѣяться, кромѣ какъ на самихъ себя. И мы сьумѣемъ теперь сами себѣ помочь.”

И это были не пустыя слова. Росси видѣлъ своими глазами, какъ крестьяне умѣютъ отстаивать свои права. Однажды Росси попалъ на собраніе, гдѣ сошлись для переговоровъ выборные отъ крестьянскаго союза и нѣсколько сосѣднихъ помѣщиковъ. Крестьяне требовали сбавки арендной платы. Они ссылались на тяжелыя времена. Мы и такъ голодаемъ—говорили они, мы кругомъ въ долгахъ, и не знаемъ, ложась спать, будетъ ли что ѣсть на завтра. Помѣщики со своей стороны долго не сдавались. Они говорили, что хлѣбъ все дешевѣетъ и дешевѣетъ, а потому ихъ доходы и безъ того уменьшаются; къ тому же правительство увеличило поземельную подать. Значитъ, имъ будетъ слишкомъ тяжело сбавлять аренду. Тогда въ споръ вмѣшался глава одного изъ сосѣднихъ со-

юзовъ. Онъ оказался самъ помѣщикомъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ помѣщиковъ, у которыхъ сердце лежало къ простому народу. Этотъ человѣкъ разсказалъ, какъ онъ беретъ за свою землю съ крестьянъ гораздо дешевле, а все таки имѣетъ выгоду. Своими расчетами онъ выложилъ ясно, какъ на ладони, все дѣло. Тогда наконецъ помѣщики, припертые къ стѣнѣ, согласились на сбавку. Кромѣ того, крестьяне требовали, чтобы арендныя условія заключались по новому порядку: не съ каждымъ крестьяниномъ отдѣльно, а съ выборными отъ союза. Одинъ человѣкъ можетъ поддаться, сробѣть передъ помѣщикомъ, а ужъ союзъ своего въ обиду не дастъ. Помѣщики согласились и на это. За то союзъ поручился за исправный взносъ платежей.

Когда выборные разсказали остальнымъ крестьянамъ о соглашеніи — велика была общая радость! Къ сожалѣнію, не вездѣ дѣло кончалось такъ благополучно. Многие помѣщики скорѣй соглашались оставить землю пустовать, чѣмъ идти на любовную сдѣлку съ союзами.

Въ другомъ мѣстѣ Росси попалъ на собраніе союза, когда рѣчь шла объ артельной арендѣ паровой мельницы. Раньше съ крестьянъ ближній мельникъ дралъ безбожную цѣну за помоль, а къ другимъ ѣхать было далеко и несподручно. Тогда крестьяне рѣшили снять мельницу въ аренду на общій счетъ, отъ союза, и всю прибыль отъ мукомольнаго дѣла употребить на общую пользу.

Въ мѣстечкѣ Корлеоне глава тамошняго союза разсказалъ ему тоже много интереснаго.

— Въ нашемъ союзѣ, говорилъ онъ, записано членами шесть тысячъ человѣкъ мужчинъ и женщинъ. А на самомъ дѣлѣ можно сказать, всѣ взрослые люди нашего мѣстечка участвуютъ въ союзѣ, хоть нѣкоторые и не записаны. Поэтому намъ не приходится даже дѣлать отличія между записанными и незапи-

санными. Въ сторонѣ стоятъ только нѣсколько богачей. Напѣ союзъ ужь годъ, какъ существуетъ. Всѣ, кто въ союзѣ, отлично понимаютъ его пользу. Особенно женщины: они и дѣтей своихъ учатъ любить и уважать союзы. Наши будущіе члены, стало быть, къ союзамъ привыкнутъ съ малолѣтства. Крестьяне ужь имѣютъ отъ союза немалую выгоду. Нѣкоторые помѣщики согласились теперь сдавать землю въ аренду крестьянамъ исполу; раньше этого въ нашемъ округѣ никогда не бывало. Но другіе помѣщики, самые богатые и знатные, до сихъ поръ на это несоглашаются. И знаете, почему не соглашаются? Думаете, это имъ убыточно? Вовсе нѣтъ: просто изъ гордости и чванства. Пусть-де не говорятъ люди, что мы, такіе знатные и благородные господа, подчинились мужичьимъ союзамъ! За то теперь у нихъ никто не снимаетъ земли. Вотъ уже восемь мѣсяцевъ, какъ у нихъ на поляхъ нѣтъ никакой работы. Это имъ, очень чувствительный убытокъ. Въ концѣ концовъ, должны сдаться и они.

— Однако же, возразилъ Росси, вѣдь и крестьянамъ это тоже убыточно. Имъ, пожалуй, приходится еще труднѣй, чѣмъ помѣщикамъ. Какъ же они проживутъ это время безъ земли и безъ работы?

— Мы объ этомъ ужь подумали. Мы будемъ имъ помогать изъ особой кассы. Эта касса ужь устроена, и въ нее собрано довольно много и денегъ, и хлѣба. А потомъ мы свое наквитаемъ. Когда помѣщикамъ понадобятся рабочіе въ страдную пору, вотъ увидите, никто не пойдетъ къ нимъ работать дешевле полтора рубля въ день. Такой ужь у насъ у всѣхъ уговоръ. Сообща мы всегда поставимъ на своемъ. Надо только крѣпче держаться другъ друга. Вотъ тоже въ прошломъ году помѣщики хотѣли насолить союзамъ. У насъ была недостача въ хлѣбѣ, такъ они не хотѣли ни продавать намъ его, ни давать займы. Ну, а мы завели свою общественную лавку и продавали хлѣбъ

еще дешевле, чѣмъ раньше помѣщики. Не даромъ всѣ, кто въ союзѣ, зовутъ другъ друга братьями. У насъ настоящее братство. Мы другъ на друга не жалуемся ни начальству, ни въ судъ. Всѣ ссоры и споры между членами союзовъ рѣшаютъ особые выборные люди.

Это была чистая правда. Росси самъ увидѣлъ, какъ въ одномъ селѣ, въ воскресенье, нѣсколько человѣкъ ходило по трактирамъ и харчевнямъ, глядя за порядкомъ. Оказалось, что имъ назначилъ эту обязанность союзъ. Замѣтятъ они, наприимѣръ, что кто нибудь изъ *братьевъ* выпилъ лишнее, тотчасъ подойдутъ и уговаривать уйти домой, не ссориться и не скандалить. Вздумай онъ заартачиться, его усовѣщиваютъ, говорятъ, что онъ страмитъ свой союзъ,—и обычно это дѣйствуетъ. Въ другихъ союзахъ всѣ давали зарокъ не пить.

Росси услышалъ не мало интереснаго объ союзахъ еще и отъ Боско, когда развѣзжалъ вмѣстѣ съ нимъ по острову.

— У насъ — рассказывалъ Боско — теперь вездѣ много членовъ. Теперь намъ нечего бояться правительства. Что оно можетъ намъ сдѣлать? У насъ въ союзахъ триста тысячъ членовъ. Не можетъ же оно арестовать ихъ всѣхъ. Вы скажете, что арестуютъ и засадятъ за рѣшетку всѣхъ вожаковъ. Такъ что же изъ этого? Мы заранѣе выбрали другихъ, тайныхъ руководителей. Ихъ полиція не знаетъ и узнаетъ не скоро. Если насъ заберутъ, они и будутъ продолжать наше дѣло. Нѣтъ, съ нами не такъто легко справиться, какъ они думаютъ!

— Вѣдь правительство посылало сюда особаго чиновника, сказалъ Росси. Что онъ здѣсь дѣлалъ?

— Понятно, что. Совѣтовался одинъ на одинъ съ другими, здѣшними чиновниками, съ военнымъ начальствомъ, съ помѣщиками. Спрашивалъ волковъ, хорошо ли у нихъ живется овцамъ. Впрочемъ, чи-

новникъ—онъ и есть чиновникъ. Ничего другого отъ него и ожидать было нельзя. Наши крестьяне уже давно перестали надѣяться на начальство. Они знаютъ, кто имъ другъ и кто врагъ. Они теперь увѣрились, что одни только мы, социалисты, для нихъ настоящіе и вѣрные друзья. Ужъ по одному тому, что все начальство насъ терпѣть не можетъ, крестьяне догадываются, что мы хотимъ имъ добра. Сильные міра нарочно держали народъ въ темнотѣ, потому что это для нихъ было выгодно. Но мы разгоняемъ мало по малу эту темноту. Мы говоримъ народу, что онъ самъ не понимаетъ, какая онъ сила. Вѣдь рабочихъ людей—множество, а богачей, въ сравненіи съ ними, ничтожная горсточка. И если рабочій народъ будетъ стоять за свои права, какъ одинъ человекъ—не будетъ на свѣтѣ такой силы, чтобы съ нимъ справиться. Нужно только, чтобы у народа скорѣе открылись глаза на все. И ужъ недалеко та пора, когда народъ все пойметъ—она съ каждымъ днемъ приближается. И правительство, и помѣщики, и богачи, и всѣ ихъ прислѣшники этого не ожидали. Они думали, будто народъ вѣчно будетъ покорно работать на нихъ, не разгибая спины. Теперь они увидѣли свою ошибку, спохватились, да поздно! Народъ ужъ пробуждается! Они думаютъ, будто въ этомъ виноваты одни мы, социалисты. Имъ кажется, будто все опять пойдетъ по старому, если насъ перехватятъ да засадить по тюрьмамъ. Пустыя надежды! Народнаго пробужденія не остановитъ никто и ничто. Все будитъ его отъ сна. И прежде всего, ему не даютъ уснуть сами же помѣщики своимъ нестерпимымъ гнетомъ, само начальство своими несправедливостями и притѣсненіями. Да и самъ крестьянинъ теперь ужъ не такой темный человекъ, какъ прежде. Ему открываютъ глаза и школы, и книги, и газеты, и всѣ тѣ, кто желаетъ ему добра. Старыя времена рабства не вернуться никогда, никогда, никогда!

— Вы хотите немалого, сказали России. Для этого нужно, чтобы весь рабочий людъ хорошо понималъ, въ чемъ дѣло. А это будетъ не скоро. Да и вообще сразу, однимъ махомъ ничего не дѣлается. Чего же вы пока успѣли достигнуть, какихъ улучшеній вамъ удалось уже добиться?

— Конечно, отвѣтилъ Боско, мы не только гоняемся за журавлями въ небѣ; мы не упускаемъ и синицу изъ рукъ. Мы стараемся и теперь сдѣлать всякому крестьянину жизнь хоть немного полегче. Мы сообща копимъ деньги, чтобы въ нуждѣ можно было оказать всякому помощь. У насъ тоже, какъ и въ другихъ мѣстахъ, устроена общая касса. Каждый членъ союза платитъ туда около полтинника въ годъ. Кому это трудно, тотъ можетъ выплачивать не сразу, а по частямъ, когда только у него есть лишнія деньги —хоть по нѣскольку копеекъ. Мы помогаемъ другъ другу по братски, устраиваемъ складчины. Напримѣръ, падетъ у когонибудь скотина; всѣ *братья* тотчасъ складываются по 5 копеекъ каждый, и товарищъ снова покупаетъ себѣ корову или козу. Такъ же мы поступаемъ въ случаѣ болѣзни, пожара или какогонибудь другого несчастья съ *братомъ*. Съ міру по ниткѣ — голому рубаха. Потомъ мы соединяемся, крестьяне и рабочіе, въ артели и сообща закупаемъ все нужное для жизни, оптомъ: такъ всегда все дешевле, и лучше. Такъ же въ артели соединяемся мы для того, чтобы изъ первыхъ рукъ подешевле снимать землю. Снимаемъ сразу большой участокъ, а потомъ и дѣлимъ промежду себя. А иногда, если неудобно землю дѣлить, мы прямо обрабатываемъ ее сообща, а ужъ потомъ дѣлимъ по справедливости урожай. Въ городахъ мы устраиваемъ иногда сообща собственныя мастерскія. Потомъ, союзъ нанимаетъ на цѣлый годъ лекаря или доктора; онъ ужъ и лечитъ потомъ всѣхъ членовъ безъ платы. Это выходитъ опять гораздо дешевле. Доктору выгодно получить

деньги сразу, и онъ дѣлаетъ уступку. Такъ же и при покупкѣ лекарствъ у аптекарей. Одному крестьянину аптекарь никогда не сдѣлаетъ скидки. А когда съ нимъ начинается договариваться цѣлый союзъ—это дѣло совсѣмъ другое. Не сдѣлаетъ онъ скидки—союзъ уговорится съ другимъ и станетъ только у него покупать лекарства. Теперь и аптекари одинъ передъ другимъ стараются заключать условія съ союзами. Есть и такіе союзы, которые впередъ на цѣлый годъ уговариваются съ адвокатомъ (ходатаемъ по судебнымъ дѣламъ): они ему платятъ сразу условленные деньги, а онъ за то обязуется бесплатно писать всѣмъ членамъ прошенія, жалобы, давать имъ совѣты, ходатайствовать на судѣ. Мы устраиваемъ сообща школы для взрослыхъ; неграмотныхъ тамъ учатъ читать и писать, а грамотныхъ — всѣмъ законамъ и порядкамъ въ нашемъ царствѣ и въ другихъ краяхъ; съ болѣе взрослыми тамъ, кромѣ того, идетъ обученіе *соціализму*, то есть, тѣмъ новымъ, справедливымъ порядкамъ, которые мы хотимъ ввести по всей землѣ на мѣсто нынѣшнихъ. Мы заботимся и о томъ чтобы братья не шатались по трактирамъ и харчевнямъ. Союзы иногда нанимаютъ особое помѣщеніе; тамъ всѣ наши сходятся частенько потолковать между собой, или даже просто пошѣть, повеселиться безъ пьянства и буйства. Въ этихъ же помѣщеніяхъ всегда можно найти газету, узнать изъ нея, что творится на бѣломъ свѣтѣ; здѣсь мы помѣщаемъ читальни, библиотеки, здѣсь устраиваемъ иногда даже театральныя представленія.

Росси побывалъ во многихъ такихъ помѣщеніяхъ союзовъ. Иныя имѣли по нѣскольку комнатъ и были хорошо убраны. Стѣны комнатъ были часто украшены разными надписями, и всѣ надписи напоминали крестьянамъ о справедливости и братствѣ.

Вотъ для примѣра, нѣкоторыя изъ этихъ надписей:
“Каждому человѣку должно принадлежать все то, что онъ заслужилъ своимъ трудомъ.”

“Мы хотимъ работать, для того чтобы жить, а не жить только для того, чтобы работать.”

“Рабочіе люди всѣхъ странъ, соединяйтесь!”

“Работники, будемъ смѣлѣе—будущее принадлежитъ намъ!”

При входѣ въ помѣщеніе союзовъ часто были развѣшены образчики различныхъ матерій, сукна, ситца и другихъ товаровъ; подъ ними были обозначены цѣны, и указано, гдѣ можно покупать по этимъ цѣнамъ товары. . Оказалось, что это цѣны, утвержденныя союзами. Во многихъ мѣстахъ владѣльцы лавокъ и мастерскихъ сами были членами союзовъ или заключали съ ними условія продавать всѣ товары по особой таксѣ; всѣ цѣны по таксѣ утверждалъ союзъ, и лавочники подчинялись.

Въ комнатахъ на видномъ мѣстѣ стояли знамена союза, и на знаменахъ также были надписи, въ томъ же родѣ, какъ на стѣнахъ. Вмѣсто портретовъ царей и сановниковъ—часто на стѣнахъ висѣли портреты лицъ, особенно потрудившихся на пользу народа. На столахъ лежали газеты и книги, въ которыхъ объяснялась польза союзовъ и говорилось о многихъ вещахъ, которыя нужно знать рабочему народу.

Росси пробовалъ говорить о крестьянскихъ союзахъ и съ помѣщиками. Но помѣщики были страшно обозлены, и о союзахъ не могли даже говорить спокойно. “Это какія то шайки разбойниковъ”—кричали они—“мужики вбили себѣ въ голову, будто теперь имъ самъ чортъ не братъ, будто они съ нами могутъ шутки шутить! Да нѣтъ, шалишь. Знай всякій сверчокъ свой шестокъ. Правительство покажетъ имъ, гдѣ раки зимуютъ!”

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Разскажемъ теперь, по порядку, что случилось послѣ съ этими крестьянами и рабочими союзами, которые видѣль и описаль Росси.

Союзы недолго могли существовать открыто, на законномъ основаніи. Но за это время они росли страшно быстро. Въ августѣ мѣсяцѣ 1892 года, на съѣздѣ социалистовъ изъ интеллигенціи и городского рабочаго люда, Боско въ первыхъ разѣ разсказываль о томъ, какъ въ Сициліи образовались среди крестьянъ союзы. Боско говорилъ, что это дѣло скоро разростется, что къ нему пристанетъ весь народъ. Ему не хотѣли тогда вѣрить.

Черезъ годъ въ союзахъ было уже 60 тысячъ человекъ членовъ; еще черезъ годъ это число утроилось. . . .

Конечно для успѣха союзовъ много значило то, что имъ первое время позволяли дѣйствовать свободно. Вожаки союзовъ могли открыто разѣзжать повсюду и всенародно разъяснять пользу союзовъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ союзы даже принимались издавать свои, крестьянскія газеты. Главная изъ нихъ носила названіе “Общественная Справедливость.” Здѣсь писалъ обо всемъ томъ, что интересно и важно знать крестьянину; писали люди свои, надежные, выводили на свѣтъ всякую несправедливость, всякое притѣсненіе народа. Кромѣ того, издавалось для крестьянъ много книгъ все въ томъ же духѣ. Много читалась, напримѣръ, книга, которую написалъ Боско: “Союзы рабочихъ людей.” Устраивались библіотеки, школы, въ которыхъ учили не только чтенію, письму да счету, а разъясняли и всю хитрую механику угнетенія бѣд-

няковъ богачами, и способы перемѣнить народную долю къ лучшему. . . .

У насъ, въ Россіи, такъ поступать было бы нельзя. У насъ не позволять всякому, кто захочетъ, заводить школы и библіотеки. Нѣтъ, на это нужно сначала получить особое разрѣшеніе отъ начальства. А такое разрѣшеніе дается не легко и не всякому. . . . Если же кто-нибудь вздумаетъ безъ разрѣшенія собрать къ себѣ и обучать ребятъ—его могутъ предать суду и наказать, какъ будто онъ сдѣлалъ какое нибудь злодѣяніе. Случаи въ этомъ родѣ не разъ бывали. Таковъ ужъ у насъ установленъ законъ. Правительству наше даже земству не вполнѣ довѣряетъ въ школьномъ дѣлѣ и подчиняетъ земскія школы своимъ особымъ чиновникамъ. Не разъ ужъ въ высшемъ правительствѣ были разговоры о томъ, чтобы всѣ школы передать въ церковное вѣдомство, отдать попамъ. На поповъ наше начальство вполнѣ надѣется, какъ на каменную гору.

Или взять, хотя бы народныя чтенія, которыя читаются теперь во многихъ селахъ съ особымъ фонаремъ и картинами. Не всякому позволять читать; только священники да учителя допускаются свободно; а всякій другой человекъ долженъ получить разрѣшеніе отъ самого губернатора или архіерея. Нельзя и выбрать для этихъ чтеній любую интересную и полезную книгу. Начальство составило особый списокъ книгъ для этихъ чтеній. Можно читать только тѣ книги, которыя попали въ этотъ списокъ.

Другой такой же списокъ начальствомъ составленъ особо для сельскихъ библіотекъ. Если въ библіотеку попадутъ книги не изъ списка, за это библіотекарю можетъ сильно влетѣть отъ начальства. Могутъ даже въ наказаніе закрыть библіотеку.

Для надзора за библіотеками и чтеніями содержится не мало чиновниковъ. Иные изъ нихъ получаютъ тысячное жалованье.

Да и печатать книжки или газеты у насъ тоже нельзя безъ разрѣшенія особыхъ чиновниковъ. Они просматриваютъ всякую новую книжку, вычеркиваютъ въ ней все, что не по нраву начальству, а иногда цѣликомъ бракують и уничтожаютъ всю книжку. Это называется *цензурой*. Вотъ почему у насъ такъ немного книгъ, гдѣ бы разбирали по косточкамъ начальство и его поступки, выводили на свѣжую воду неправды и притѣсненія народа, учили народъ отстаивать свои права. Если хочешь написать объ этомъ свободно, вродѣ того, какъ въ этой книжкѣ, то приходится печатать ее тайно отъ начальства. Коли узнаютъ того человѣка, который ее написалъ и напечаталъ — такъ его живо засадятъ въ тюрьму или сошлютъ въ Сибирь. Тамъ, на поселеніи и на каторгѣ, и безъ того страдаютъ ужъ не мало людей за свою приверженность къ народу. . . . Ихъ зовутъ “политическими.”

Понятно, и читать нужно такія книжки съ оглядкой, припрятывать ихъ подальше отъ начальства, помѣщиковъ, поповъ и иного ненадежнаго народа. Чтобы крестьянину было легче укрыть отъ нихъ книжку, или, попавшись, отговориться незнаніемъ,—на этой книжкѣ тоже для видимости напечатано “дозволено цензурой” — хотя на самомъ дѣлѣ она тайная, неразрѣшенная.

Тожe и съ союзами. Если кто нибудь у насъ захочетъ составить вмѣстѣ съ товарищами союзъ или общество, хотя бы для самаго простаго дѣла—нанримѣръ, для артельного занятія какимъ нибудь ремесломъ или мастерствомъ—онъ обязанъ представить начальству *уставъ* своего общества. Въ этомъ уставѣ должно быть написано подробно, зачѣмъ и для чего устраивается общество, чѣмъ и какъ будетъ оно заниматься. Всякій такой уставъ долго пересылается отъ одного начальства къ другому, доходитъ даже до министровъ. Дѣло это очень хлопотное. Много обще-

ствъ совсѣмъ не разрѣшается. Особенно трудно добиться разрѣшенія общества для устройства школъ, читалень, библиотекъ и публичныхъ чтеній для народа. Другимъ обществамъ разрѣшаютъ только половину, а то и третью часть того, что они просятъ. И за всѣми обществами опять таки у насъ установленъ строгій надзоръ.

Было время—и въ Италіи нельзя было безъ разрѣшенія начальства устраивать ни союзовъ, ни школъ, ни библиотекъ, нельзя было свободно печатать книги и газеты. Было такое время и во всѣхъ прочихъ земляхъ. Только въ однихъ мѣстахъ это время ужъ давно прошло, а въ другихъ проходитъ мало по малу. И не даромъ доставалась вездѣ народу его свобода. Приходилось по частямъ ее завоевывать, то силой, то хитростью. Напримѣръ, гдѣ нибудь не разрѣшаютъ народу союзовъ для защиты его правъ. Тогда начинаютъ заводить союзы для видимости подъ разными другими предлогами. То, съ полнаго разрѣшенія начальства, устроятъ артель, товарищество для покупки сообща сѣмянъ, удобренья, машинъ или разныхъ необходимыхъ по хозяйству товаровъ; то устроятъ общество для улучшенія своего ремесла; то устроятъ кассу для взаимной помощи, то еще что нибудь подобное. Этимъ и пользуются—сходятся вмѣстѣ, толкуютъ, приучаются мало по малу крѣпче стоять и держаться другъ за друга, дѣйствовать дружно, по взаимному уговору. Начальству открыто придратъся какъ будто и не къ чему, а наши артельщики давно уже толкуютъ обо всемъ и во всѣхъ дѣлахъ дѣйствуютъ сообща, дружно, какъ одинъ человѣкъ, вербуютъ себѣ и товарищей. . . . А гдѣ и этого начальство не позволяетъ—тамъ просто устраиваютъ тайные союзы, братства для защиты своихъ правъ. Когда начальство видитъ, что его запрещенія больше не дѣйствуютъ, оно обычно становится покладистѣе. Оно видитъ, что дѣлать нечего, и даетъ больше свободы всякимъ

союзамъ. А въ тѣхъ странахъ, гдѣ начальство во время не прекращало старой прижимки, ему же бывало хуже. Народъ поднимался противъ правительства, проливалась кровь, наступали смутныя времена. . . . Бывало, что даже у царей и королей слетали головы съ плечъ. . . .

Бывало и такъ: иногда правительство дастъ своему народу свободные порядки, а потомъ само пожалѣетъ объ этомъ и старается поворотить назадъ. Такъ вышло и въ Сициліи. По жалобамъ помѣщиковъ правительство увидало, что союзы забираютъ большую силу, и начало поступать съ крестьянами все круче да круче.

Въ одномъ мѣстечкѣ, Калавутуро, крестьяне имѣли въ мірскомъ владѣніи выгонъ, сѣнокосъ и часть полевыхъ угодій. Сосѣдніе мелкопомѣстные дворяне успѣли оттягать эти земли. Тогда крестьяне собрались большой толпой, спокойно, въ полномъ порядкѣ, пришли на свою землю; они не сдѣлали никому зла, а только прогнали помѣщичьихъ сторожей и опять завладѣли своимъ добромъ. Помѣщики пожаловались и начальство прислало солдатъ. Крестьяне все таки отказались уйти со своей земли. Тогда начальникъ долго не думая приказалъ стрѣлять въ безоружную, мирную толпу; человѣкъ десять крестьянъ было убито. Въсѣтъ объ этомъ разнеслась, по всей странѣ. Въ палатѣ народныхъ выборныхъ, депутатовъ, нашелся смѣлый человѣкъ, социалистъ, по имени Колаяни: онъ упрекалъ правительство и предсказывалъ большія смуты, если начальство не переменитъ своего поведенія. Министры оправдывались, говорили, что это нечаянно такъ вышло, что перестрѣляли людей, и что больше этого не будетъ. Однако, нѣсколько времени спустя, точь въ точь такая же исторія повторилась въ другомъ мѣстечкѣ Кастель-Ветрано.

Было похоже, что начальство умышленно старается раздражать народъ. Какая же могла быть отъ этого

начальству выгода? А вотъ какая: начальству хотѣлось запретить союзы. Однако, ни съ того, ни съ сего этого сдѣлать было нельзя. Нужно было къ чему-нибудь придратъся. И помѣщикамъ, и начальству хотѣлось подстроить дѣло такъ: раздразнить народъ, довести его до беспорядковъ, а потомъ свалить на союзы, что, дескать, это они народъ бунтуютъ. Начались къ союзамъ придирки. Многихъ вожаковъ арестовали и взвели на нихъ разныя небылицы. Однихъ обвиняли, будто они бунтуютъ крестьянъ, другихъ—будто они состоятъ главарями въ шайкахъ воровъ и разбойниковъ. Но когда ихъ начали судить, то ничего не вышло. Судьямъ можетъ и хотѣлось угодить правительству, но всѣ обвиненія были ужь очень неуразныя. Приходилось или оправдывать подсудимыхъ, или приговаривать ихъ къ самымъ легкимъ наказаніямъ, придравшись къ пустякамъ. Въ одной мѣстности арестовали противъ всякаго закона множество крестьянъ, за то, что двѣнадцать деревень stacked не работать на мѣстныхъ помѣщиковъ, покуда они не сбавятъ арендной платы. Въ другихъ мѣстахъ полицейскіе подъ разными предлогами вривались въ помѣщенія союзовъ, дѣлали тамъ обыски, срывали со стѣнъ знамена, производили полный разгромъ. Но ничего не дѣйствовало. Видя ненависть помѣщиковъ и властей къ союзамъ, крестьяне полюбили союзы пуще прежняго. Арестуютъ вожаковъ или членовъ союза—оставшіеся на волѣ заботятся и о нихъ, и объ ихъ семьяхъ, помогаютъ деньгами, договариваютъ имъ для судебной защиты адвоката. Приговорить судъ подсудимыхъ къ штрафу — всѣ члены союза устраиваютъ складчину и уплачиваютъ за нихъ штрафъ.

Въ октябрѣ 1892 года разомъ въ двухъ мѣстахъ крестьяне выбрали Дефеличе депутатомъ, уполномоченнымъ въ палату. Въ концѣ того же года для всѣхъ союзовъ острова былъ избранъ особый главный

или центральный комитетъ. Черезъ него сносились между собой всѣ союзы; въ немъ были самые лучшіе, самые надежные слуги народнаго дѣла. Въ октябрѣ 1893 года состоялись два съѣзда выборныхъ отъ всѣхъ союзовъ. Въ одномъ мѣстѣ собрались выборные отъ союзовъ шахтеровъ, работниковъ въ сѣрныхъ коняхъ; въ другомъ—выборные отъ союзовъ крестьянъ, арендаторовъ, сельскихъ работниковъ. Условились стоять заодно, дружно, какъ одинъ человекъ на всемъ островѣ.

Но тутъ, на несчастье, дѣла повернулись совсѣмъ въ другую сторону, на руку начальству. Въ Сициліи случился крупный неурожай. За неурожаемъ къ концу 1893 года подошлъ и голодъ. Правительство не только не помогало голодающимъ, но еще налегло на взысканіе податей, не давая никакой отсрочки. Народъ началъ терять терпѣніе. Въ декабрѣ мѣсяцѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ народъ началъ собираться большими толпами. Всѣ кричали: “долой подати!” При въѣздѣ въ городъ, на заставахъ, въ Сициліи всюду поставлены дома для сборщиковъ податей: они слѣдятъ, чтобы не провозили въ городъ безпошлинно овощей, сѣна, зерна, мяса и т. п. Толпа пожгла много такихъ домовъ и заставъ.

Соціалисты всячески успокаивали и удерживали народъ. Они боялись, какъ бы всѣ ихъ труды не пошли прахомъ. Народъ былъ еще неподготовленъ, чтобы силой ввести во всемъ царствѣ новые порядки. Союзы были еще дѣло недавнее. Не всѣ даже изъ членовъ союзовъ хорошо понимали, что и какъ въ государствѣ надо измѣнить. Притомъ же, Сицилія была только небольшой островъ и безъ остального королевства была безсильна. Соціалисты боялись, что правительству отъ бунта будетъ чистая выгода. Добраго ничего изъ бунта не выйдетъ, а правительство получить предлогъ закрыть союзы и замѣнить свободные порядки всякими строгостями. Поэтому

соціалисты всѣми силами отсовѣтовали народу ломать и жечь заставы. Самые лучшіе и крѣпкіе союзы, въ которыхъ члены были люди понимающіе, ихъ послушались. Но нашлось много народу, который: ничего этого не понималъ и не хотѣлъ слушать. Самые темные и неграмотные крестьяне не видѣли подвоховъ правительства. Они легковѣрно думали, будто только мѣстные, самыя низкія власти ихъ притѣсняють, а король и высшее правительство добры и справедливы. Стало быть, думали эти темные люди, не бѣда, если мы пойдемъ противъ полиціи—полиція сама идетъ противъ воли короля и министровъ. И вотъ толпа темныхъ, голодныхъ крестьянъ брала вмѣсто знамени портреты короля и королевы и шла громить заставы и сборщиковъ податей. Напали и на главное управление по сбору податей, разгромили его; нашли тамъ податные списки и записи, разорвали ихъ и пожгли.

Тогда вызвали войска. На улицахъ главнаго города Сициліи, Палермо, они сошлись съ толпой голодныхъ, безоруженныхъ рабочихъ. Попробовали разогнать толпу — это не удавалось. Вѣдно было стрѣлять. Нѣсколько человекъ упало — въ томъ числѣ были женщины и дряхлые старики. Тогда толпа пришла въ полное отчаяніе и гнѣвъ. Съ яростью она вооружилась чѣмъ попало. Въ солдатъ полетѣли со всѣхъ сторонъ камни, палки, дрова. Нѣсколько разъ вооруженные ружьями, саблями и револьверами солдаты, пѣшіе и конные, должны были отступать подъ градомъ камней и отчаяннымъ натискомъ разяреной толпы. Зрѣлище было страшное. Правительство пришло въ смятеніе. На островъ, точно въ чужую землю, была отправлена цѣлая армія въ 60 тысячъ человекъ. Ею командовалъ генералъ, которому была дана полная и верховная власть на всемъ островѣ. Онъ могъ дѣлать тамъ такія распоряженія, какія только хотѣлъ; всѣ мѣстные власти должны были ему подчиняться. На островѣ было объявлено осад-

ное положеніе. Запрещены были всякія сходки и сборища. По всёмъ городамъ и крупнымъ селамъ ходили дозоромъ военные отряды. Въ крестьянскихъ избахъ были расположены на постой солдаты. Правительство воспользовалось бунтомъ, чтобы свести старые счеты съ союзами. Около шести тысячъ человекъ было арестовано. Среди нихъ были всё главные вожаки и дѣятели союзовъ. Соціалистическія газеты были запрещены, книги отбирались. Всѣ союзы, всѣ рабочія общества, даже всѣ самыя безобидныя артели были разогнаны и закрыты. Арестованныхъ судили военными судами; законами не стѣснялись. Множество народу пошло въ тюрьму, въ острогъ, на каторжныя работы.

Особо судили главныхъ вожаковъ—Дефеличе, Боско, его товарища Верро, доктора Барбато, адвоката Монтальто. Эти вожаки-соціалисты прекрасно понимали, что ихъ приговоръ давно готовъ, и что судъ ведется только для видимости, только для проформы. Они понимали, что судей ничѣмъ не проймешь, что это не судьба, а просто палачи, не хранители законовъ, а угодливые прислужники помѣщиковъ и ихъ правительства. Эти вожаки-соціалисты знали, что все равно будутъ осуждены, и говорили на судъ вовсе не для судей, а для всего народа, для всѣхъ, кто могъ слышать ихъ на судѣ или потомъ прочесть ихъ рѣчи въ газетахъ. Они говорили такъ, будто не ихъ судили, а будто, наоборотъ, они сами судили правительство. Они обвиняли правительство въ притѣсненіяхъ и бѣдствіяхъ народа, въ народной нищетѣ и голодѣ, въ попраніи всѣхъ законовъ, въ самыхъ вопіющихъ несправедливостяхъ. Они открыто говорили о своихъ цѣляхъ, о своемъ желаніи ради народной пользы водворить на мѣсто теперешняго новый, справедливый соціалистическій порядокъ вещей. . . .

Конечно, всѣхъ ихъ обвинили и приговорили къ жестокимъ наказаніямъ—отъ 12 до 16 лѣтъ тюремнаго

заключенія для каждаго. Когда глава военнаго суда началъ читать этотъ приговоръ, его голосъ задрожалъ, лице поблѣднѣло, онъ едва владѣлъ собой. Видно было, что онъ самъ чувствовалъ въ глубинѣ души неправоту своего дѣла, совѣсть пробудилась и заговорила таки напоследокъ. . . . А что же долженъ былъ чувствовать сицилійскій народъ! Несмотря ни на осадное положеніе, ни на полицію, ни на всѣ строгости, густая толпа народа собралась вокругъ дома, гдѣ засѣдалъ судъ; и когда до этой толпы дошла вѣсть о приговорѣ, она начала свистать, кричать, шумѣть, такъ что пришлось вызвать военный отрядъ, чтобы разогнать толпу и заглушить народное негодованіе. . . .

Помѣщики, власти, богачи—всѣ сначала вздохнули свободно: они думали, что нагнали на крестьянъ страху, проучили ихъ, и теперь по прежнему будутъ полными господами во всей Сициліи. Лучшіе народные вожди были въ тюрьмахъ, многіе смѣлые крестьяне были высланы изъ родныхъ сель и округовъ; союзы были разогнаны, повсюду введены разныя строгости. Но все было напрасно, ничто не помогало. Народъ не забылъ и не отучился искать лучшей доли. Онъ ужъ не могъ по старому гнуть спину передъ помѣщиками. Разъ попробовавъ сладкаго, не захочешь горькаго. Разъ почувствовавши себя человѣкомъ, не захочешь опять стать подъяремной рабочей скотиной. Прошли тѣ времена, когда мужикъ могъ жить впроголодь, да еще благодарилъ Бога, если удастся похлебать водицы съ черствымъ хлѣбомъ. Народъ уже почувствовалъ свою силу, понялъ, что не тварь онъ безсловесная, не скотъ какой, чтобы только терпѣть пинки да лишенія. Крестьянинъ понялъ, что онъ такой же человѣкъ, какъ и всякій другой, хотя бы тотъ и нажилъ чужимъ горбомъ великія богатства. Скоро, очень скоро правительство и помѣщики увидели, что не сбываются ихъ расчеты. Боско, Дефеліче, Барбатто и другихъ осужденныхъ во многихъ

городахъ и селахъ наперерывъ начали выбирать въ общинные и городскіе совѣтники, въ почетные граждане, въ депутаты палаты. Это послѣ правительственнаго суда итальянская страна произносила свой судъ — судъ народный!

Тяжелый, горькій урокъ получили сицилійскіе рабочіе и крестьяне. Но этотъ урокъ не прошелъ для нихъ напрасно. Понялъ сицилійскій народъ свою ошибку, понялъ, почему онъ не добился своего. Онъ повернулъ ужъ слишкомъ круто. Онъ не сообразилъ, какъ сильны его враги, какъ ихъ много. Всѣ помѣшники, всѣ деревенскіе богатѣи, всѣ купцы и фабриканты, все чиновничество, всѣ попы, все правительство, вплоть до самаго короля—оказались одной дружной семьей, одной шайкой народныхъ притѣснителей. А въ ихъ рукахъ—послушное войско. Правда, войско набирается изъ тѣхъ же мужиковъ и рабочихъ, изъ того же народа. И если бы весь народъ ясно понималъ, кто ему другъ и кто врагъ, тогда былъ бы совсѣмъ другой разговоръ. Но въ томъ то и бѣда, что въ Сициліи слишкомъ рано народъ пошелъ силой противъ своихъ враговъ. Ужъ мы говорили, что Сицилія была только небольшая часть королевства, да еще отдѣлена отъ остальной страны моремъ. Въ остальной Италіи сельскій народъ еще спалъ. Только въ городахъ фабрично-заводскіе рабочіе боролись за свои права, но ихъ было мало. Еще на сторонѣ народа стояли только образованные, ученые труженики, да лучшіе, честнѣйшіе люди разныхъ званій и сословій—интеллигенція. Съ такими силами напрямикъ идти было нельзя—приходилось еще долго дѣйствовать обходами. . . .

Сицилійскіе рабочіе и крестьяне это поняли и стали дѣйствовать инымъ путемъ. Запретили ихъ открытые союзы—они стали устраивать тайные; не позволили открыто собираться—стали сходиться потихоньку, а все таки продолжали дѣлать свое дѣло. Правда, не такъ все пошло скоро, какъ они сначала рассчитывали.

Но за то пошло дѣло не на одномъ ихъ островѣ, а и во всемъ королевствѣ. Во многихъ мѣстахъ тамъ раньше социалисты не надѣялись разбудить крестьянъ, считали ихъ слишкомъ темными, малограмотными людьми. Другое дѣло — думали они — фабричный рабочій; онъ больше терся на свѣтѣ, больше видѣлъ и слышалъ. Однако, послѣ сицилійскаго дѣла они иначе стали думать о крестьянахъ. Они поняли, какъ говорится въ пословицѣ, что мужикъ хоть и сѣръ, да умъ у него не волкъ съѣлъ. И вотъ вскорѣ и на сѣверѣ Италиі, въ провинціяхъ (губерніяхъ) Эмиліи, Полезинѣ, Моденѣ и другихъ стали тоже устраиваться союзы сельскихъ рабочихъ и крестьянъ; а на слѣдующихъ выборахъ тамошніе крестьяне ужъ послали отъ себя въ палату своихъ людей, социалистовъ — Ферри, Биссолати, Гатти и другихъ.

Правительство увидало, что его распоряженія не дѣйствуютъ. Тогда оно рѣшило попробовать другой путь: сдѣлать крестьянству какія-нибудь небольшія послабленія, а еще больше наобѣщать: вѣдь за посулъ деньги не платятъ. Оно приступило къ изданію новыхъ законовъ объ арендныхъ договорахъ. Ему казалось, что крестьянство сразу поддастся на эту удочку, повѣритъ въ добрыя желанія правительства и перестанетъ слушать своихъ друзей-социалистовъ. Не тутъ-то было. Прошли тѣ времена, когда крестьянство умѣло только терпѣть и надѣяться на короля да на Бога. Проученные опытомъ, многіе крестьяне теперь безъ труда поняли, почему правительство вдругъ подобрѣло: потому что опасалось общаго народнаго пробужденія. И лучшіе изъ крестьянъ еще сильнѣй, еще усерднѣй прежняго принялись раскрывать на все глаза своимъ болѣе темнымъ собратьямъ.

Года два тому назадъ еще разъ попробовалъ въ Италиі возстать рабочій народъ. На этотъ разъ поднялись не крестьяне, а фабричные рабочіе и городская бѣдность въ одномъ большомъ городѣ, Миланѣ. Социалисты по прежнему уговаривали народъ повременить,

потерпѣть, сначала набрать больше силъ. Ихъ не послушались. И опять войска стрѣляли въ народъ, опять на городскихъ улицахъ цѣлыхъ два дня пло напрасное кровопролитіе. И снова народные угнетатели одолѣли.

Но за то росла и народная нелюбовь къ своимъ правителямъ. И вотъ, совсѣмъ недавно въ Италіи случилось новое кровавое дѣло: одинъ человѣкъ, по имени Гаэтанъ Бреши, двумя выстрѣлами изъ револьвера убилъ итальянскаго короля Гумберта, въ то время, какъ тотъ садился въ свой экипажъ, возвращаясь домой съ одного праздничнаго торжества. Бреши не пытался убѣжать: его схватили и предали суду. Когда его спросили, за что онъ стрѣлялъ въ короля, Бреши отвѣтилъ: “За то, что по его приказу стрѣляли въ народъ въ Сициліи и въ Миланѣ. Я самъ человѣкъ изъ народа, простой рабочій, и я отомстилъ королю за ту невинную кровь, которыя была пролита изъ за него.” Бреши осудили на пожизненную каторгу.

Къ его дѣлу снова попробовали было пристегнуть социалистовъ, но это не удалось. Соціалисты итальянскіе всенародно заявляли, что они противъ всякихъ убійствъ, пока только возможно мирнымъ путемъ отстаивать народныя права. Они никого не подстрекають къ убійствамъ. Если пролилась кровь короля, такъ въ этомъ виноваты тѣ его приближенные, которые ему совѣтовали угнетать и притѣснять народъ. Не будь этихъ притѣсненій, не было бы и народной ненависти къ притѣснителямъ, не было бы и мстителей за народныя страданія.

Друзья помѣщиковъ и богачей, конечно, кричали на всѣхъ перекресткахъ, что, дескать, во всемъ виноваты эти проклятые социалисты. Однако, на этотъ разъ уже не посмѣли расправится съ ними силой. И социалисты по прежнему свободно работаютъ на пользу трудящагося люда. Ихъ цѣль—добиться, чтобы весь народъ созналъ свои права и добился всеобщей свободы и равенства.

И дѣло пошло впередъ. Съ каждымъ выборами итальянскіе рабочіе и крестьяне все больше и больше проводятъ своихъ людей и въ общинные совѣты, и въ палату. Тамъ теперь ужъ есть кому вступиться за рабочій народъ. Въ палатѣ социалисты стали силой. На нихъ теперь ужъ нельзя, какъ прежде, не обращать никакого вниманія. И нынѣшнее правительство понемногу уже становится все уступчивѣе и покладистѣе. Социалистамъ уже удалось кое-чего добиться. Народъ это видитъ и потому вѣритъ, что рано или поздно онъ добьется всего, чего нужно. Придетъ время, настанетъ и для рабочихъ людей настоящая жизнь, перестанутъ они голодать и надрываться надъ непосильной работой ради праздныхъ и слѣсивыхъ богачей. Правда, путь къ этому не близкій. Пройдетъ, можетъ быть, много лѣтъ прежде, чѣмъ сицилійскій мужикъ вздохнетъ полною грудью, прежде, чѣмъ настанутъ и для него красные деньки. Но если даже и не суждено дождаться этихъ дней тѣмъ смѣльчакамъ, которые начали борьбу, такъ дождутся ихъ дѣти и внуки. Дождутся, свободно вздохнуть и помянуть добрымъ словомъ тѣхъ, кто раньше не жалѣлъ жизни своей ради общаго дѣла.

Не надо только терять бодрости и надежды. Вода ладаетъ по каплѣ, и то долбитъ камень. А народная сила—не капля, и даже не малый ручей, а широкая и многоводная рѣка, которую никакими силами нельзя остановить или поворотить назадъ; чѣмъ больше ее запружать, тѣмъ сильнѣй она будетъ напирать на плотину, и рано или поздно она прорветъ и снесетъ всѣ преграды на своемъ пути, чтобы свободно и широко разлиться на вольномъ просторѣ.

НАПЕЧАТАНЫ

слѣдующія изданія “Народной революціонной бібліотеки,”
издаваемой *Аграрно-соціалистической лигой*:

“Какъ министръ заботится о крестьянахъ” (по поводу секретнаго циркуляра Министра Внутреннихъ Дѣлъ губернаторамъ о крестьянскихъ безпорядкахъ).

“Какъ венгерскіе крестьяне борются за свои права.”

“Крестьянскіе союзы въ Сициліи.”

ПЕЧАТАЮТСЯ И ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

“Очерки изъ русской исторіи.”

“Новое крѣпостное право.”

“Чему насъ учить борьба Днѣпровскихъ крестьянъ за свои права.”

“О нашихъ уголовныхъ законахъ.”

“Англійскій крестьянинъ.”

“Великая французская революція.” И многія другія.